

Аркадий МАКАРОВ

ПАРКОВАЯ ЗОНА

@ЭЛИТА

18+

Аркадий Макаров

Парковая зона

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Макаров А.

Парковая зона / А. Макаров — Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Действие романа охватывает период от шестидесятых годов прошлого века по настоящее время. Центральный герой произведения – Иван Захарович Метёлкин, прошедший тяжёлую и не всегда однозначную жизнь. После окончания сельской школы судьба его связала с ребятами городских окраин со всеми характерными чертами той среды – частые попойки, тяжёлая физическая работа. Мечта стать инженером, кажется, рухнула навсегда, но здравый смысл и желание побороть в себе маргинальные начала заставили Ивана окончить технический институт и стать руководителем на монтажных площадках строящегося города. Но вот грянула, так называемая перестройка, и всё кардинально поменялось: не стало любимой работы. В маленьком городе устроиться на другую невозможно, и вот используя старые связи, Иван Захарович устраивается охранником в санаторий, в эту парковую зону, где и происходят основные события...

© Макаров А., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Пролог	6
1	11
2	13
3	32
4	34
5	35
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аркадий Макаров

Парковая зона

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Сколько хочешь, плачь и сетуй,
Ни звезды нет, ни огня!
Не дождешься до рассвета,
Не увидишь больше дня!
В этом мире, в этой теме
Страшно выглянуть за дверь:
Там ворочается время,
Как в глухой берлоге зверь.*

*Сергей Клычков
из эпоса вогулов «Янгал-маа»*

Пролог

Мартовская ночь, обмякнув после застарелых морозов, покойно улеглась на гранитные ступени белокаменного дворца.

Несмотря на пролетевшее столетие, на гражданские бури и непогоду, во всем дворце: и в граните, и в мраморной облицовке, опоясывающей его по высокому фундаменту, – угадывалась державная незыблемость.

Дворец этот – достопримечательность города Талвиса, и какой житель, подгоняемый бытовым любопытством и завистью к прошлым временам, не бывал здесь, не цокал языком, осматривая замысловатую лепнину высоких потолков и настенную роспись, местами осыпавшуюся и подновленную умелыми художниками?

Дворец когда-то принадлежал братьям Евсеевым – богатым купцам, известным в старой России меценатам, у которых не оскудевала рука, протянутая бездомным лишенцам и сиротам.

Несчитанные богатства, заработанные еще их дедом – крепостным моршанским крестьянином Евсеем, сметливым и оборотистым мужиком, – внуки пустили в дело, построив в окрестностях Талвиса несколько мануфактур, выросших потом в суконную фабрику, обставленную передовым английским оборудованием.

Законы капитализма везде одинаковые, да люди разные.

За свою благотворительность братья были отмечены самим государем.

Богатей, Россия! Мчись, тройка-Русь, не ослабляй вожжей, возница – разнесут вдребзи!..

Но то дела давно минувших дней. Разгулявшихся коней кто остановит?

Сейчас уцелевший после разрушительной скачки времени по российскому бездорожью дворец местные власти удачно приспособили под санаторий, что как нельзя лучше подходило к его внешнему пышному облику дворянского гнезда. Хотя дворян, в том понимании, в каком мы привыкли их представлять по произведениям русских классиков, этот дворец никогда не видел.

Едва успел высохнуть благородный алебастр высоких плафонов, еще не улетучились благовония от курильниц, кадивших во славу и благополучие дома, как за дверью неукротимая тройка ископытала и втоптала русское дворянство в грязь, из которой и головы не высунешь – снимут.

И вот теперь, уверовав, что все болезни от нервов, а не от удовольствия, здесь поправляют здоровье не то чтобы очень уж богатые, но состоятельные граждане.

А раньше, при Советах, тут отдыхали местные заводчане, строители, управляющая интеллигенция, одним словом – фабричные люди.

«Дом Евсеевых», как зовут местные жители дворец, возвышается на крутом открытом берегу широкого в этом месте канала, прорытого пленными турками в позапрошлом веке, стянувшего с двух концов излучину реки Цны.

Конечно, выбор места для постройки дворца был не случаен: огромный, в несколько гектаров, парк с тенистыми деревьями, еще помнившими суровые капища мордвы, охотников и бортников, первых поселян и подсобных строителей города-крепости, воздвигнутой здесь, на реке Цне, в отместку набегам степняков на тучные черноземы и определившей дальнейшую судьбу Дикого Поля.

Река времени текла, огибая высокий берег с дворцом и парком, с храмом на травянистом холме неподалёку, мимо города Талвиса, хоть и областного центра, но провинциального и тихого, как все города Черноземья.

Прошедшая Отечественная война, конечно, не обошла и Талвис. Морозная зима – не сетка, а жить хочется всем, и потихоньку, минуя властные запреты, деревья парка – свидетели

державной поступи молодой России – перекочевали в прожорливые, горластые печи-голландки жителей Талвиса.

От всей языческой роскоши остались с десяток развесистых лип да огромный кряжистый дуб, перед которым задумчивая мордва била поклоны, молясь своему верховному кумиру.

Говорили, что дубу этому, почитай, лет за тысячу будет, и околдован он истуканами мордовскими, идолищами погаными, которые до сих пор его оберегают от пилы и секиры.

Пробовали не раз ночью темной повалить его навзничь: это ж сколько кубов жарких поленьев будет!

Да ничего не вышло.

Был один такой ухарь: размахнулся топором, хотел только ветку срубить, а топор возьми да отскочи от сучка, как от камня, да обушком и попал в лоб своему хозяину. Наутро нашли его под дубом с проломленным черепом.

Брались пилить, да видно у пилы зубья не те – искрошились. Даже сам библейский Илья-пророк, оберегая христианскую веру, саданул его молнией в самое темя, да только верхушку отсек. А может, это и не Илья был, а сам обойденный в почестях Перун швырнул в него, залятого, горсть огненных стрел, да не сладил. Как знать!

Вот и стоит, обхватив мозолистыми лапищами матушку-землю, дубище-патриарх, перед которым теперь, в наше безверье, молодожены, мучаясь дурью, вместо свадебного стола пиры справляют, фотографируются, в отцы-крестные его зовут...

Но это поверье – только блажь людская или память темная языческая.

Стоит дуб-богатырь, руки-ветви раскинул, а в каждом рукаве жар-птица до осени прячется. Как упадут золотые перья на землю, – значит, всё: зима подметать идет, в белый подол эти перья собирать станет.

На смену многодумной дубраве пришли другие деревья, как спелели заменить родовую степенную знать говорливые простолюдины, проглядевшие тяжёлую поступь времени и гомонящие теперь об утраченном.

Парк большой, деревьев много, да все не те: скороспелые тополя, клены, березки, сосенки да жидкоствольные рябинки – снегириное лакомство, забава дроздам да свиристелям из заречного леса.

Говорят, деревья повторяют судьбу человека. А человек?..

Поваленное дерево, по давним русским поверьям, наверное, взятым ещё у друидов, несёт несчастье тому, кто приложит к этому руку. Если не по нужде его срубит, а по прихоти.

В этом Иван Захарович Метелкин, скромный герой данного повествования, недавно убедился сам.

...Дерево умирало медленно. По его жилам ещё бродил сок жизни, но оно уже было обречено, хотя само не знало об этом: оно всё так же трепетало листочками, весело перебирая струны солнца, отчего в который раз рождалась музыка лета – тихая и ясная, какая бывает в средней полосе после майских дождей и гроз, когда устанавливается хорошая погода, предвещающая богатый урожай и осенний достаток.

О том, что дерево умирает, первыми узнали птицы – они стали избегать его, будто ощущали какую-то невидимую угрозу. Воробьи больше не бранились в его листве, выясняя отношения. Однажды из своего окна Метелкин увидел, как, возбужденно крича на лету, к дереву устремилась тётушка-сорока. Спикировав в зелёную крону, она тут же взметнулась вверх, словно это была не крона, а костёр.

Тополь умирал молча и в одиночестве, и хотя оставался могучим и раскидистым, в нём не стало слышно прежнего беспечного щебетанья, особенно заметного в ранние утренние часы, когда бледно-зеленая полоска неба на востоке только намекает на приближающийся день.

Эти перемены Иван Захарович уловил сразу после того, как всё случилось...

Всё утро раздавался истеричный визг мотопилы. Была осень, и Метелкин решил, что в соседнем дворе хозяйственные мужики заготавливают дрова на зиму. Иван Захарович с неудовольствием (не дали выспаться) подумал о ранней деятельности соседей.

Дело в том, что рядом с его многоэтажкой стоял особняк, который вовремя не успели снести местные власти, и он так и остался оплотом частной собственности, окружённый со всех сторон новостройками. Снести частную собственность районной администрации оказалось ни в жилу – не было денег, а главное, желания.

Когда-то у особняка был рачительный хозяин: почерневшие от времени подсобные строения до сих пор вызывали уважение. Небольшой огородик, обнесённый дощатым забором, исправно кормил жильцов этого дома, но потом, после смерти старых хозяев, зарос канадской лебедой и чернобылом.

В родительском доме остались жить по праву наследства два брата. Пьянь несусветная! Метелкин каждый вечер из окна наблюдал, как они с матерной бранью и угрозами, непонятно в чей адрес, на полусогнутых добирались до дому.

Пить-то пей, но надо и закусывать! А закусывать зачастую им было нечем. Прошли времена, когда только за один выход на работу платили хоть небольшие, но деньги.

Как-то незаметно братья остались не у дел, а «кушать хотца» каждый день. Вот они и решили по лебеде и чертогону высадить картошку.

Мешок весной положили в землю, а осенью полмешка взяли. Дёргать за космы канадскую «красавицу» – дело хлопотное. Братанам это было не под силу, вот и уродилась картоха-кроха.

Братаны всю вину свалили на дерево. Это она, мол, ветвистая зараза, свет огорода застит. Хотя тень от дерева и в зимний день, как не тянется, а до огорода не достаёт.

Срубить дерево сразу под корень братаны не смогли и окольцевали своего зелёного врага двумя надрезами. Осенью было ещё ничего, а по весне надрезы стали сочиться, поливая траву у комля пахучей влагой.

От тополя потянуло сыростью – верным признаком скорой кончины. Полчища муравьёв чёрной шубой покрыли низ дерева до самых этих надрезов. Наглотавшись, теряя рассудок, муравьи вместе с соком стекали на землю. Слегка обсохнув и протрезвев, они трусцой добрались до источника, чтобы снова впасть в наркотическое забытье и сползти вниз. И так до бесконечности.

К муравьям дерево было равнодушно – сок всё равно без пользы обливал ствол, испаряясь на воздухе и превращаясь в желто-белую студенистую массу, липкую на ощупь, в которой, насосавшись, увязали отяжелевшие орды.

Тополь их не замечал и по-прежнему шумел на ветру распускающимися листочками.

Первое предвестие умирания появилось, когда на ветвях, будто из ничего, вдруг материализовались белые безглазые существа, похожие на бабочек, которых Метелкин, сколько жил на свете, никогда не видел. Явившись из запредельного мира, они стали готовить душу дерева к уходу.

Безгрешная жизнь деревьев, разумеется, не противна Богу, и в райских куцах для любого из них всегда найдётся место, в отличие от нас грешных.

Бабочки, эти молчаливые и верные посланники Смерти, исполняли какой-то ритуальный танец вокруг кроны – вместилища души дерева.

Бабочек было так много, что пыльца с их бумажных крыльев белой пудрой висела в воздухе, да и сами бабочки, исполнив свой долг, снежными хлопьями валились на землю, покрывая траву мучнистой пылью.

Сразу же после этих белых херувимов на дереве: на стволе, ветвях и листьях – появились темно-зеленые гусеницы. Они были похожи на маленькие складные мерительные инструменты. Складываясь и раскладываясь, гусеницы словно обмеривали дерево, готовясь шить ему саван.

В летний полдень, устав от работы, гусеницы блаженно отдыхали, повиснув на едва видимых шёлковых нитях. Покачиваясь на лёгком ветерке, они, в дрёме переждав жаркие часы, к вечеру снова устремлялись на дерево, продолжать свою мрачную работу.

Потом исчезли и гусеницы, опутав тополь мутной полупрозрачной тканью, похожей на старую застиранную марлю.

Кое-где саван прорывался, грязные его лохмотья полоскались в прозрачном воздухе, показывая всю непристойность тленья.

Кора дерева, отслаиваясь, отваливалась кусками и тоже свисала на высохших сухожилиях, обнажая бурое окоченевшее тело.

Иван Захарович всячески избегал смотреть в окно, чтобы не видеть печальное зрелище, от которого начинало першить в горле.

К осени всё было кончено.

Костлявое, безобразное многорукое дерево тщетно старалось зацепиться за пролетающее облако, чтобы оторваться от земли вслед за душой. Но – увы!

Под первыми осенними дождями зрелище стало ещё горше. Холодный порывистый ветер не заламывал, как прежде, ветви, а только злобно свистел в засохших прутьях.

В народе говорят, что сухое дерево у дома – к несчастью и близкой смерти кого-нибудь из рядом живущих людей.

Так и случилось.

По первому зазимку, то ли от мороза, то ли от ветра-холодрыги, дерево рухнуло, расколотившись до самого комля. Проломив крышу и потолок, тополь придавил братьев, сидевших в это время за пустым столом в горестный час похмелья.

Братьев схоронили соседи, а дерево долго ещё лежало, упираясь раскоряченными ветвями в землю. Как будто хотело, да не могло подняться – слишком сильно земное притяжение.

Кстати сказать, и в то лето у братьев урожай не вышел – чертогон задушил картофельные ростки.

Такие вот дела бывают на белом свете...

И одинокий тополь способен мстить. А лес или парк? Если каждое сгубленное дерево начнет сводить счеты, где спрятаться человеку от возмездия?

Вот и здесь от некогда живописного парка осталось одно воспоминание. Со всех сторон его потеснили дома-новоделы, где на первое место выпирает тщеславие и безвкусица – такие же, как у их обремененных золотыми цепями и браслетами хозяев. Бывший коммунистический и комсомольско-космополитический охлос, разжиревший на объедках и забывший свое подлое происхождение, выхваляется нахвattanым с одобрения ныне власть предержащих.

Теперь парк стал хиреть и скукоживаться. Строительный мусор: обрезь, цементная крошка, битый кирпич, грязно-белые остатки извести – паршой покрыли недавно густые, никогда не кошенные травы, чахлый вид которых сегодня приводит в уныние.

Но не все так худо в этом мире! Если согласиться с мнением горожан, то и парк этот, и Евсеев дом еще очень даже хороши, и нечего привередничать!

Может быть, оно и так.

Он, горожанин, обкурившись асфальтовыми испарениями и автомобильным чадом, посетив этот парк, вздохнет полной грудью, зажмурится, и лицо его расплывется в улыбке: «Ах, как хорошо-то здесь!»

Действительно, несмотря ни на что, парк еще удивляет какой-то запредельной таинственностью, словно в каждом дереве: в березке, в кленочке, в тополе – тоже живет Божья дудка. Стоит только остановиться и прислушаться, как тихая густая музыка заполнит все твое существо. Звука нет, а ты его слышишь.

Вибрация в пространстве живого – это радость встречи солнца, каждый луч которого создает то, что мы называем гармонией.

Вот ведь слово какое! Гармония! Гармонь.

Да, гармонь... Кто теперь знает ее тоскливые вздохи по русскому раздолью, ее звонкие и радостные переливы, когда гармонист отдохнувшими пальцами пробежится наскоро, едва касаясь клавиш... Так пробегает, пробуя зеленые листочки первыми каплями, летний дождь, перед тем как разыграться весело и звонко – по траве, по лужам, по крышам.

Гармонь – это и сваха, и сводница, и разлучница, и утеха молодой удали.

Кто в наше время еще помнит цветастые карагоды на вытоптаных каблуками полянах, где жениховались и невестились многие поколения хлеборобов и ратоборцев России?

Разве может электронная музыка, рожденная вибрацией тока, заменить живую душу русской тальянки? Это все равно что сравнивать тексты на интернетовских сайтах с рукописными книгами, которые действительно заполнены живыми знаками, а не мертвыми электронными символами...

Да что там говорить! То, что есть – не бережем, потеряем – ищем.

Там, где щербленный гребень из вновь посаженных елей уже прочесывает парк, спускаясь к странному одноэтажному строению с высокой трубой местной котельной и примкнувшей к нему, плечо в плечо, то ли прачечной, то ли бани, то ли спортивного комплекса с кухней, а может, и всего вместе взятого под одной крышей, произошло то, что не могло бы произойти никогда с героем, нет, лучше – персонажем данного повествования. Ну какой он герой?..

1

На вневедомственную службу охраны Иван Захарович Метелкин попал хотя и по «блату», но совершенно случайно.

Один весьма удачливый товарищ Метелкина, подполковник милиции в отставке и аппаратный работник областной администрации, используя свои связи, устроил Ивана на дефицитное место санаторного сторожа, и стал Метелкин вхож и во дворец братьев Евсеевых, и в принадлежащий санаторию парк, который все еще служил зеленым заслоном от городского гомона и гари.

Место сторожа из-за скудности жалования спасти Метелкина от безденежья, конечно, не могло, но на проезд в два конца – на работу и обратно домой – хватало, даже оставалась некоторая сумма на сигареты, поэтому Иван Захарович с энтузиазмом написал заявление и принял пост у широкого, как шкаф, мужика, неосмотрительно сунув в тиски его кулака свою не то чтобы изнеженную, но далеко не мозолистую ладонь.

Предвкушение уединенности свободных вечеров, которых Метелкину так не хватало в житейской круговерти, стусевало боль от рукопожатия.

Мужик, к которому Иван был поставлен сменщиком, помимо охраны объекта занимался еще и сапожным делом: и уснуть не уснешь, и приработок надежный.

Хорошо бы и Метелкину такое ремесло в руки, но он был дипломированным инженером и к драфте не имел никакого отношения...

Смахнув со служебного стола обрезки резины и кожи и спрятав в потаенное место свой инструмент, сменщик строгим взглядом дал понять, что к этим вещам у Метелкина не должно быть никакого интереса. Занимайся и ты, чем хочешь: железо куй или веники вяжи, если способный и ловкий.

– Ты вот эту кнопку не тронь, – сказал «шкаф», показывая Ивану на маленькую пуговку красного цвета распределительного щита у тихо гудящего аппарата с несколькими зелеными глазками в застекленном узком окошечке, – это аварийная кнопка связи с милицией. Заденешь невзначай, со спанья, – группа захвата с автоматами приедет. Потом замучаешься объяснительные писать за холостой прогон ментовской машины. Усёк? – почему-то подмигнул «шкаф». – А вот эти зеленые пиповки показывают номера охраняемых объектов. Если пиповка станет мигать, тогда как раз жми красную кнопку и на улицу не высовывай носа – грабеж со взломом! Гопники шутковать не умеют, а черепок проломают. Пусть воруют. Не мешай им. Для этого ментяры есть, у них зарплата хорошая. А ты на рожон не лезь, не наше с тобой это дело. Главное – через каждые два часа делай обход точек – складов, значит. Там тоже возле дверей и ворот кнопки, вот их надо нажимать обязательно при каждом обходе. Если через два часа сигнала от тебя на центральном пункте не будет, менты тоже примчатся. Могут и по шее дать, если проспичь свое время. Ты мне закурить дай, а то свои жалко докуривать, всего пара штук осталась, – сказал сменщик и хлопнул Ивана по плечу так, что тот прогнулся.

– Ну и лапа у тебя, как лопата совковая! – Метелкин миролюбиво протянул мужику сигарету, которая тоже была предпоследней. – Ключицу обломил...

– Не ссы! – сказал мужик. – Все – путем! – и, отшвырнув от себя дверь сторожки, нырнул в набухший влагой серый войлок начинающего вечереть дня.

«Шкаф» был ловок и силен, и после его ухода Иван Захарович Метелкин стал немного сомневаться в правильности своего решения поработать сторожем.

В самом деле, какие барыши сулила ему эта служба? Если вычислить стоимость проезда сюда и обратно, как накладные транспортные расходы, выражаясь языком счетовода, в активе остается только сумма для поддержания никотиновой зависимости, то есть деньги, конвертированные в ядовитый дым. Проще бросить курить. И здоровье поправишь, и на такую работу

ходить не надо, чтобы просиживать бессонные ночи в собачьей будке, отведенной под сторожку, охранять, как цепной пес, кладовые очередного общества с ограниченной ответственностью – «ООО», козырной процент акций которого ухитрился переписать на себя ушлый проходимец, присвоив право первой руки при дележе.

– Трезор, фас! Фас, Трезор!

– Гав! Гав! Гав!

У Ивана действительно из горла чуть не вырвался хриплый собачий лай. С ума сойти! Вот куда могут завести критические размышлизмы, если поддаваться их влиянию.

Иван Захарович осмотрелся по сторонам – маленькая, в два шага по периметру, коморка, продыmlенная насквозь никотиновой смолкой, дощатый стол в черных несмываемых пятнах сапожного вара, два вихлястых стула, выброшенных за ненадобностью из конторы и подобранных Божьей милостью, какое-то самодельное подобие вешалки и – все!

Единственной приметной вещью здесь была настольная лампа экзотического вида, представляющая собой гипсовую фигуру голой бабы во всем своем естестве, широкобедрой и задастой, натуралистическая красота которой могла бы поспорить с каменными изваяниями скифов.

Белотелая эта соблазнительница держала в вытянутой руке розовый шелковый зонтик, под которым ровным призывным светом горела электрическая лампочка. В самом интересном месте у барышни был впаян крохотный тумблер выключателя, так и зовущий к себе, чтобы им поманипулировать.

Неизвестный самодеятельный скульптор был гениален в своей скабрёзности, вызывающей чувства не только эстетические.

Пощелкав несколько раз выключателем и убедившись в его полной исправности, Метелкин, расслаблено вытянув ноги, закурил сигарету.

Подлая эта привычка – дым глотать! Думаешь, что всегда можешь от неё отказаться, но этот отказ всегда откладываешь на будущие времена. Похоже на привязанность к развратной женщине, после близости с которой идешь домой, отплеываясь, с клятвенным убеждением не опускаться до животных прихотей, но потом, махнув рукой – а-а, это в последний раз! – снова покупаешь бутылку водки с куском дешевой колбасы и униженно скребешься в ее двери в предвкушении сладостного чувства...

Так часто бывало в молодости у нынешнего сторожа и инженерно-технического работника эпохи развитого социализма, Ивана Захаровича Метелкина.

«У, блудница вавилонская!» – вспомнив приключения юности, Иван Захарович благостно заулыбался.

Затянувшись поглубже куревом, он стал лениво выпускать кольца дыма в направлении белотелой красавицы под розовым абажуром. Кольца затягивало под зонтик, где в перегретом воздухе они взлохмачивались и горячим потоком выносились вверх уже сиреневым от подсвета дымом, как из благовонной курильницы. Фимиам разврату!

Иван улыбался, вспоминая «разврат» подросткового времени, в который неожиданно охунулся, как муравьи в белесоватую жижу умирающего тополя...

2

Тогда, на заре свой молодости, в первоцветных годах своих, Иван Захарович Метелкин, а попросту Ванька-Веник, водился с Мишкой Спицыным, по прозвищу Спица, который впоследствии дослужился до полковника госбезопасности, а в отставке окупился в бизнес, да так и сгинул в прожорливом чреве Баал-Зебула, Молоха в нашем нынешнем понимании.

Нашли бывшего рыцаря своей страны с прострелянной башкой на городской свалке бомжи, которые и довели до сведения правоохранительных органов информацию о человеческом трупе среди скупых отходов местной промышленности и зловонного бытового мусора.

Мишка с Иваном были самыми настоящими закадычными друзьями, в том понимании, что, помимо прочего, любили и совместно закладывать за кадык.

Мишка проживал в старом просторном рубленом доме на территории районной больницы, где его мать работала главврачом, и квартиру им дали в бывшей хозяйской пристройке – удобно и хорошо. Подвал в доме тоже был просторный, выложенный бутовым камнем, – все сделано не в наше время, то есть на совесть. Там находился большой склад лекарств и медицинского оборудования, и там же хранились картошка и всякие соленья на зиму для семейства столь нужного специалиста.

Нырять с другом в подвал за припасами, Иван поражался обилию больших зеленых бутылей с притертыми стеклянными пробками. Бутыли эти плотно сидели в плетеных корзинах, простеленных соломой, как куры на яйцах.

Что было в бутылках, ребята не знали, и однажды Мишка решил спросить об этом у матери. Она ответила, что это вшивомор – яд такой, для уничтожения насекомых.

Ну, вшивомор так вшивомор! И на этом вопрос был исчерпан.

Ребята продолжали лазать в подвал, и если прихватывали что, так это витамины и марганцовку. Витамины тут же глотали, а из марганцовки делали светящийся порошок.

Рецепт его изготовления весьма прост. Как известно из школьного учебника по химии, марганцовокислый калий при нагревании начинает обильно выделять кислород, и если к нему в известных пропорциях подмешать древесный уголь и алюминиевую пудру, то получится взрывная смесь с яркой магниевой вспышкой, не уступающая пороху.

Из этой смеси догадливые ребята делали ракеты: набивали картонную гильзу самодельным порохом, привязывали гильзу к наконечнику стрелы и, предварительно запалив с одного конца, по ночам пускали в небо. А, надо признаться, ночи в то время были – глаз выколи. Ни одного фонаря на улице. Электричество еще не проводили, а местный чахоточный движок на радиоузле был маломощным и питал только одну улицу, где жило все районное начальство.

Зрелище было потрясающее: горящая стрела вонзалась в черное небо, расцветая яркой вспышкой.

Жители, кто из общественников, грозилась милицией:

– Спалите деревню, стервецы!

Но не спалили ведь...

Тут главное – рассчитать запал так, чтобы вспышка происходила на макушке подъема, на взлете, и все дела!

С коротким сухим треском разрывалась занавеска ночи, и свет выхватывал из черной бездны запрокинутые к небу бледные, худые восторженные лица да купы черных остолбеневших деревьев...

...Между белыми шапками плесени, в холодном погребе, зеленые пробки бутылок таинственно и призывно отсвечивали при керосиновой лампе.

В один из дней простая мысль заставила школяров усомниться в истинности слов матери: если в бутылках яд, то почему нет предупреждающей надписи?

Одна из посудин была откупорена, и из узкой горловины пахло резким, но уже знакомым спиртным духом. В свои пятнадцать лет друзья потихоньку в местной чайной уже пробовали рябиновый вкус, от которого сразу же становилось вольготно и жарко.

Отхватив блестящим скальпелем, которых в подвале было более чем достаточно, кусок тонкой полупрозрачной медицинской трубки, ребята без особых хлопот нацедили в стоящую рядом колбу граммов триста-четырееста розоватой жидкости, однозначно пахнущей спиртом, и решили предложить ее кому-нибудь на анализ. Самим попробовать было боязно: а вдруг это действительно яд?

Иван быстро сунул колбу за пазуху, и они вынырнули на свет божий, под яркое горячее солнце.

Куда податься?

В деревне жил один дед, звали его Шибряй, а прозвище он имел – Клюкало, за свою оторванную на войне ногу. Клюкало этот был большой любитель побаловаться свежатиной из пустрых полевых воришек – сусликов.

Сусличий промысел в то время был основным занятием деревенских ребят. Шкурки принимались в заготконторе без ограничений, а тушки они приносили Шибряю. Дед таким гостинцам радовался необыкновенно. Взвар делал в помойном ведре, другую посуду жена не давала.

Клюкало разжигал во дворе под высоким изогнутым таганом костер, ставил на таган ведро с розоватыми тельцами грызунов и нетерпеливо топтался, загребая деревянной ногой пыльную землю. Когда вода в ведре закипала, он, блаженно шурясь, широкой щепой снимал с отвара густую пену, подцеплял тушку и, по-кошачьи повернув голову набок, пробовал уцелевшими зубами побелевшее мясо.

За один присест Шибряй мог съесть штук десять-пятнадцать разжиревших на колхозных хлебах зверьков, ну а ежели под водочку, да с растяжкой, то и десятка три укладывал.

Пил он, разумеется, все подряд, лишь бы булькало и першило в горле. Такого вшивомор не одолеет, дед и ацетон пробовал пить и – ничего, не загнулся...

Товарищ все уговаривал Ивана, а заодно и самого себя, мол, что делать – животные гадо-стей не пьют, на них опыт не поставишь, остается только один дед Шибряй, тот все сможет. И, уверовав в правоту своего дела, закадычные друзья смело пошагали по широким сельским улицам к дегустатору.

Но у палисадника Шибряева дома путь им перегородил Колька Манида – здоровенный малый лет девятнадцати, работавший после школы, перед Армией, на радиоузле монтером.

Манида водил дружбу с сыном Шибряя и прослыл на селе безотказным утешителем женских судеб. Бабы поговаривали, что Колька в этом деле был большой мастер.

Видать, Манида уже приложился у Шибряя и стоял теперь навеселе, широко улыбаясь.

– А-а, привет активистам-онанистам! – Манида растопырил руки, чтобы перехватить недорослей. – Кто дрочет, тот баб не хочет! А ну-ка, ну-ка, покажите ручки! – гоготал он. – От Дуньки Кулаковой на ладонях шерсть должна расти.

Мишка Спицын с готовностью выбросил руки ладонями вверх: на, мол, смотри – никакой шерсти на ладонях не растет.

Иван показал только левую ладонь – правая рука его бережно придерживала за пазухой стеклянную колбу с неизвестной пока жидкостью.

Манида, заинтересованно запустил Ивану подмышку свою лапищу и, выхватив колбу, извлек ее на свет.

– Вот те раз! – воскликнул он. – К химичке направились с реактивом-то? Ну-ну, привет ей от меня! Скажите, что найду скоро. Она у меня в очереди на послезавтра, – Манида вытащил из колбы бумажную пробку и уткнулся в горлышко здоровенным носом. – Э! Да тут

разобраться надо! Никак – C_2H_5OH ? Учил, учил химию! Я у этой Нинки Ивановны все больше на повторных уроках ума набирался. Любила она меня без обеда оставлять, а во вторую смену – без ужина. Ох, и вопросики мне тогда подкидывала! – от приятных воспоминаний он сладко зажмурился. – Я эту реторту ей сам занесу. Не беспокойтесь. Все будет – хок-кей!

Покачав в тяжелом кулаке колбу, Манида опрокинул ее, сделал несколько глотков, отнял от губ и, скривившись, шумно выдохнул из себя воздух.

Ребята опасливо глядели на него: что будет?

– Н-да! По-моему боярышником отдает. За чистоту реакции не ручаюсь, – он, разомлев, попридержал школяров за плечи. – Очковые ребята! Молотки! А что трением молотком добываете – это ничего. Я и сам иногда для разнообразия этим способом пользуюсь. И – ничего, ништяк! – Колька выставил перед ними торчком две большие и загребушие ладони. Колба уже болталась в его широком кармане. – Во! Ни одной шерстинки нет! А за посудой потом зайдете.

Легонько столкнув пацанов лбами, он повернулся и крупным неровным шагом направился к своему дому.

Сомнений не было. Ребята понимающе переглянулись и не сговариваясь двинулись обратно к подвалу.

Время было августовское. Грустно шуршал пожухлый чертополох по краям пустынных огородов. Летние каникулы заканчивались, скоро идти в школу, и подростки решили элегическую эту пору отметить, как водится, хорошей выпивкой, благо продукт проверен – яда не обнаружено.

Весь их энтузиазм и творческий пыл остудила няня – домработница в семействе главного врача. В этот день она, как на грех, вздумала заниматься засолкой огурцов, и подвал был под ее бдительным контролем. Нырнуть туда – никакой возможности. Она, засучив рукава, ошпаривала крутым кипятком у самого входа в вожделенные закрома большую дубовую кадучку.

Заметив ребят, няня строго пригрозила пальцем и тут же заставила таскать неподъемные ведра из больничного колодца такой глубины, что он казался бездонным.

Теперь они с ненавистью крутили огромный скрипучий барабан и, плеская на землю, носили бесконечную воду.

Но... был день, и была пища.

Наутро, чуть свет, наспех умывшись, Иван уже нетерпеливо свистел под окном своего дружка с намерением осуществить их вчерашние замыслы.

Долго свистеть не пришлось.

Нырнув в подвал, они быстренько нацедили в пол-литровую бутылку боярышника, рассвали по карманам картошку, не забыв прихватить огурчиков вчерашнего засола. Мишка, вооружившись операционным ножом, быстро отхватил приличный шматок домашней копченой грудинки, висевшей тут же у потолка на черном кованом крюке.

После такого набега, тихо просочившись за дверь, они огородами подались на речку.

Там, над песчаным свеем, на пустынном крутом берегу реки имелась потаенная пещера, вырытая неизвестно кем и неизвестно когда. Это было их так называемое «разбойничье место», где ребята играли в свои, не всегда безобидные мальчишеские игры.

В пещере было все для «культурного» отдыха братьев-разбойников.

Во-первых, имелась коробка золотого пахучего флотского табака и две курительные трубки, приобретенные по случаю Мишкиного дня рождения, когда мать, расщедрившись, отвалила ему на морс и леденцы приличную сумму.

Дабы табак, как и порох, всегда оставался сухим, ребята предусмотрительно пересыпали его в большую металлическую коробку из-под индийского чая, а трубки, после того как закурили до одури, спрятали, завернув в газету, под слой перетолченной, рассыпанной на полу соломы, в самый дальний угол.

Во-вторых, тут же под рукой, на широкой дощатой полке, расположенной поперек всей пещеры, всегда находились котелок, соль, хлеб и спички.

Для того времени запасец был совсем неплохой, к тому же охапка сухих дров всегда аккуратно пополнялась за счет того, что плохо лежало на сельских задворках.

Конечно, для полного счастья не хватало какой-нибудь пленницы. Но что поделаешь? Ровесницы их почему-то не жаловали, а с малолетками, которые крутились под ногами, играть в куклы подростки боялись.

У Ивана была надолго сохранившаяся рыбацкая привычка – прятать где-нибудь в кепке или за воротником крючок с леской, так, на всякий случай. Удилище с поплавком смастерить всегда можно, а рыбка в то время – слава КПСС! – водилась. И уха, конечно, не помешала бы...

И вот, пробираясь мимо изб, ребята решили наковырять червячков в унавоженной с весны куче, где деловито копались куры. А, надо сказать, червяки там водились отменные. Их с большим аппетитом глотали не только куры, но и любая рыбная братия.

Разворошив кучу, молодые рыбаки присели, выбирая насадку пожирнее, но тут их осенила великолепная мысль: курица в собственном соку несколько не хуже ухи, а, может быть, даже питательней!

Как же могут разбойники да без дичи?

Быстро размотав тугую, из шелковой нити, леску, Иван насадил толстого, извивающегося, как грешник в аду, дождевого червя и мигом подбросил наживку отпрянувшим было курам. Озадачено повернув голову, черная с ярко-красным гребнем хохлатка клюнула несколько раз обеспокоенного червяка и разом проглотила его.

Не понимая, что случилось, хохлатка икнула и вдруг, заголошнито захлопав крыльями и прижимая голову к земле, заголосила на все село так, что сидящие в сладкой дреме вороны с карканьем сорвались с растущей рядом ветлы и закружили, как рваные листы горелой бумаги.

Подтащив упирающуюся добычу, Иван сунул под растрепанное крыло ее пламенеющую голову.

Сразу стало тревожно и тихо.

Воровато оглянувшись, подростки как ни в чем не бывало продолжили путь к речке по заросшей лопухами меже, держа под неусыпным контролем добычу, которая отчаянно царапалась своими острыми когтями.

Пещера, в которой они собирались отметить конец лета, находилась на том берегу, где разросшийся краснотал образовывал непроходимую чащобу. Рядом торчали из воды черные сваи бревенчатого моста.

Мост этот был однажды по полой воде разрушен пьяными подрывниками, которые, не рассчитав заряда аммонала, вместо льда подняли на воздух единственную на селе переправу.

Теперь переходить речку надо было вброд по илистому зыбкому дну.

Ильин день уже прошел, и упругая речная струя стала светлой и знобкой, лезть туда не хотелось, и друзья бросили жребий – кому кого придется переносить на горбу через брод.

То ли Мишка Спица словчил, то ли и впрямь так крутанулась у него в руке монета, но лезть в воду пришлось Метелкину.

Засучив штаны, побрякивая и качаясь под тяжестью упитанного Мишкиного тела, Иван медленно пробирался к другому берегу, уходя по щиколотку в податливую тину.

Притихшая было курица неожиданно выпорхнула из рук, плюхнулась в воду и, бешено колотя крыльями, крепкими, как гребной винт, бросилась под шаткие ноги «перевозчика».

Удар был такой силы, что оба приятеля тут же оказались в речке.

Крылатая жертва еще пыталась выкрикнуть что-то гневное, но вода равнодушно относилась ее вниз по течению.

Леса была длинной, и курицу унесло далеко, пока она не остановилась, зацепившись ниткой за корягу. Фыркая и по-мужски матерясь, приятели перебежали брод и подтянули к себе разом обмякшую добычу.

И вот тогда можно было понять, почему сельский шалопай Мишка Спица дослужился до столь высокого чина в карающих органах...

Он не торопясь подхватил недоутопленную хохлатку, зажал ее голову между указательным и средним пальцами правой руки и резко, как бросают соплю, тряхнул птицу к земле.

Через мгновение Иван с удивлением смотрел на сонно зевающую голову с красной короной в Мишкиной горсти, а внизу, у ног, на влажном песке, выталкивая из хрипящей гортани кровь и что-то брезгливо отстраняя чешуйчатými лапками, вытягивалась в последней судороге чернушка.

От шеи к голове в Мишкином кулаке тянулась кровавой жилой шелковая леска.

Крючок засел так глубоко, что пришлось сматывать с пальца леску и протаскивать через нее, как оторванную пуговицу, клювастую хохлаткину голову.

Спицын, размахнувшись, забросил ее по ту сторону обломков моста, и она, булькнув, ушла на глубину кормить раков.

Что было делать? Иван подхватил за ноги раскинувшую веером крылья добычу, и они, роняя с одежды неисчислимые капли воды, встряхнувшись по-собачьи, подались к своему «разбойничьему месту» – в потаенное логово, где ни одна душа не могла помешать им сотворить желаемое.

Обогнув по пути топкую ложину, заросшую ивняком и кугой, где паслись, отфыркиваясь и хлеща себя хвостами по бокам, несколько колхозных лошадей, ребята остановились возле навалившейся на берег раскидистой ветлы у входа в свое обетованное место.

Бросив на песок обезглавленную курицу и сложив все свои пожитки, они стянули с себя мокрую одежду, развесили ее на ветле и, оставшись нагишом, с гиканьем на манер туземцев стали вскидывать вверх кулаки, приплясывая вокруг добычи.

В апогей победных кличей друзья заметили, что к ним приближается Колька Манида с отвислой папиросой на широкой губе, и загрустили. Вероятно, Манида выследил мальчишек из любопытства. Вид у него был праздный, хотя стоял разгар рабочего дня, и Колька в это время где-нибудь был позарез нужен, это уж точно.

Живя по принципу «работа не веревка – постоит», он частенько отирался с удочкой на реке.

Вот и теперь, остановившись перед ребятами, по-свойски улыбаясь после вчерашнего, он резко воткнул удилице в песок возле своей правой ноги и замер, как племенной вождь с боевым копьём. Вид его был по-отцовски самоуверен, как и подобает вождю.

Приятели застыли, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Э, да ты еще с таким секульком живешь и не застрелишься? – Манида нагнул и, как пробуют за сосок умывальник, ладонью снизу вверх потрогал Мишкино полумужское начало.

Тот стоял, смутившись до слез и не зная, что сказать.

Надо же Маниде привалить сюда, теперь весь пир испортит!

– Ну, ладно, ладно, – великодушно похлопал он Мишку по плечу. – Не обижайся, у твоего друга тоже только милиционеру на свисток и хватит. Эту штуку надо каждый день тренировать, тогда толк будет! – Манида, скрестив ноги, опустился там же, где и стоял. – Я вот вам анекдот подкину... Приехала наша партийная делегация в одно дружественное африканское племя. Вождь по такому случаю собрал всех жителей вокруг огромного общего костра, накатили, как и полагается, по котелку тростниковой бузы, человечинной угостили, боевые танцы показали, а как встреча окончилась, туземцы окружили костер, наши тоже рядышком встали. Задрали аборигены набедренные повязки, ну и давай из своих шлангов костер поливать. Обычай у них такой. И нашим знак делают, мол, чего там, давайте смелее. Что делать? Междуна-

родный скандал может выйти! Руководитель делегации расстегнул на бостоновых брюках форточку, вслед за ним все остальные, и тоже присоединились к этому ритуальному акту. Туземцы посмотрели на наших и хором стали, пританцовывая, кричать: «Бум-булумбум! Ха-хаха! Бум-булумбум! Ха-хаха!» Наши смущенно спрашивают у переводчицы: «Чегой-то они так раскричались?» Переводчица помялась, помялась, да и говорит: «Туземцы увидели, чем вы тушите костер, и стали смеяться, мол, с такими булумбумчиками, и вы хотите нас научить коммунизм строить?»

Манида беззлобно ткнул Ивана кулаком в живот:

– А вот здесь смеяться надо!

Потом посмотрел на все припасы и распростертую курицу, которую Иван хотел незаметно отодвинуть в кусты, и покрутил головой:

– А я смотрю, что это бабка Миронова к твоему отцу пошла? Злая, как ведьма. Это не ее ли курица? – Манида веером поднял одно крыло. – Э, точно ее! Таких чернушек у нас в Бондарях больше ни у кого не замечено. Но я молчок! Ни-ни! – он дурашливо приложил палец к губам, сделав заговорщицкое лицо. – Один секунд – и мы из нее чахохбили по-нашенски сделаем!

Он весело вытащил из кармана узкий длинный нож и, не обращая внимания на перья, вспорол белеющее куриное гузно, поскреб там двумя пальцами и, слегка дернув, вытащил спутанные, как розовые шнурки, внутренности. Между пальцами, стекая с ладони золотом желтка на песок, среди окровавленных лохмотьев, белела раздавленная скорлупа яйца.

Манида подошел к воде, пустил по течению куриные потроха и стал промывать вскрытую тушку.

Вынув курицу из воды, он с коротким хрустом переломил ей ноги, обрезал и тоже бросил в речку.

Ребята с недоумением смотрели на него: надо же сначала ощипать перья, а потом потрошить...

– Ну, что зенки вылупили? Марш огонь разжигать! – по-хозяйски приказал Колька.

Друзья быстро разложили сухие дрова, и вскоре, весело потрескивая, они занялись зыбким пламенем.

Иван нырнул в пещеру, принес пачку соли, и Манида, густо посолив курицу изнутри, стал смазывать ее размокшей синеватой глиной, наковырянной тут же, у берега.

Через минуту-две внушительный, больше футбольного мяча, шар блестел лакированной поверхностью. Внутри него, как ядро грецкого ореха, находилась чернушка-хохлушка.

Манида оставил шар на песке, давая ему немного подувянуть и окрепнуть.

Пока нажигались уголья, надо было что-то делать, и Иван снова полез в пещеру, за куревом. Тем временем их старший благодетель уже сидел по-свойски у костра, сжав мертвой хваткой бутылку, и терпеливо вдалбливал Мишке правила питья неразбавленного спирта.

– Тут что главное? Не дышать! – он вытащил зубами бумажную пробку, выплюнул ее, поднял бутылку на свет, что-то внимательно разглядывая. – Продукт вчерашний? – Мишка с готовностью кивнул. – Ну, тогда смотри и учись, пока я жив! – он вложил в губы узкое, как флейта, горлышко бутылки и медленно сделал несколько глотков.

Сало и хлеб были под рукой, но Манида не кинулся тут же зажёвывать выпивку, а, подняв глаза к небу, как можно длиннее выдохнул, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом пальцами отщипнул от краюхи хлеба, поднес щепоть к носу и также долго-долго, с шумом, всасывал через широкие ноздри воздух. Потом откинулся с наслаждением, упираясь руками в песок, и победно поглядел на подростков.

Мишка, а он во всем опережал своего друга, подхватил посудину и, зажмурившись, быстро-быстро стал глотать из горлышка.

Запрокинутое лицо скорчилось в гримасе отвращения. По подбородку ему на голый живот обильной струей потекла столь ценная влага. Поперхнувшись, расплескивая спирт, он чуть не выронил бутылку, которую Иван тут же подхватил.

Мишка, синяя, со слезами на глазах, всасывал и никак не мог всосать воздух. С утробным звуком «Ы-ыыы!» он, скребя песок пальцами, лег на живот и, дотянувшись до воды, стал пособачьи лакать прямо из речки, остужая обожженный язык и нёбо.

Глядя на друга, Иван, с опаской приложив бутылку к губам, быстро запрокинул голову и не дыша сделал несколько глотков.

Сначала вкуса не ощутил, но потом, когда он резко вытолкнул воздух, почувствовал, как внутри, от гортани до самого седалища, входит, туго поворачиваясь, ржавый железный костыль.

Но уже через пять-шесть секунд Иван наслаждался теплом, которое прорастало из самой мальчишеской сердцевины.

Затем нарочито медленно и спокойно двумя пальцами он подхватил сочащуюся пластинку копченого сала, тщательно наструганного Манидой, не спеша отломил кусочек хлеба и как ни в чем не бывало стал с удовольствием жевать.

Манида восхищенно смотрел на такого способного ученика:

– Е-мое! Вот это заглотнул! Ну, молоток! Ну, молоток! Наверняка кувалдой будешь. В каких таких школах ты этому научился? – он только покачивал своей лохматой головой.

Манида не знал, что Иван с девяти лет ходил с отцом плотничать, помогая ему то принести-отнести инструмент, то поддержать доску, одним словом, был на подхвате. Иван привык к труду и заодно маленько подкармливался. Не обходилось и без выпивки. Отец, то ли от скуки, то ли забавы ради, иногда плескал ему на доньшко стакана, когда ладились на работу или когда размывали руки. Всяко бывало...

Мишка еще долго сидел, вытирая слезы и ни к чему не притрагиваясь, а Иван с Манидой посмеивались, аппетитно уплетая прокопченное Мишкиной няней на яблоневого опилках и немного подвяленное на воздухе доброе домашнее сало.

Незадачливый выпивоха не утерпел и, снова ухватив бутылку за горло, резко опрокинул ее в рот.

В этот раз у него получилось. Торопливо подцепив сало, он стал тут же глотать его, почти не разжевывая. Слезы на глазах еще не просохли, но Мишка уже был улыбочив и гордо поглядывал на Маниду.

Колька обеспокоено покосился на поубавившуюся выпивку, вытер губы тыльной стороной ладони, одним махом влил в себя порядочную порцию боярышникового спирта, занюхал его хлебной коркой и дружески, на равных, спустившись с высоты своего положения, обнял ребят за плечи.

Всем было хорошо и уютно. Весело, как цыгане в красных одеждах, на черных обугленных поленьях плясал огонь.

Жар от костра аккуратно сдвинули в сторону, разровняли его, сделав огненный круг, который то разгорался, потрескивая, то покрывался бледным налетом, чтобы через мгновение предстать во всем своем огненном величии.

В этот круг Манида уложил глиняный шар с неошипанной курицей внутри, поверх него тоже стал раскладывать горящие поленья.

Было так хорошо, что лучше быть не может. То ли от огня, то ли от спиртного горели лицо, руки и даже подошвы стоп.

На огне глина стала быстро твердеть, покрываясь мелкой сетью трещин, через которые спустя некоторое время маленькими гейзерами стали вырываться ароматные дымки.

Манида угостился приобретенным ребятами капитанским табачком, и все они, мирно покуривая, разлеглись на теплом августовском песочке.

Речка, играя холодными солнечными бликами, безразлично спешила мимо куда-то по своим делам.

От костра и от пригревающего солнца одежда стала парить, так что скоро можно было прикрыть мальчишечью наготу.

Иван чувствовал, как хмель медленно и сладко высасывает его силы, словно перезрелую сливу, и как тело, отрываясь от земли, тает, теряя вес. Ловчее и лучше их, сидящих здесь вокруг чадающего жжеными перьями костра, никого в мире не было. Вот они какие – трое мужиков, веселых и сильных, полеживают себе на бережку реки Большой Ломовис, попыхивают табачком, и – ничего! Они молоды и красивы! Сама земля прислушивается к мужскому разговору, сдобренному легким матерком, метким и беззлобным. Сейчас вот расколется этот глиняный орех, эта черепушка, и они будут, ломая руками птицу, не спеша жевать душистое мясо, запиная его боярышниковым спиртом...

Иван встал и быстро полез в костер палкой, чтобы выкатить шипящий и свистящий со всех сторон, как исколотая футбольная камера, глиняный шар, но тут же получил от Маниды по рукам короткой и хлесткой хворостиной:

– Поперек батьки в пекло не лезь!

Сначала Иван обиделся до глубины души, отвернулся и чуть не заплакал от жалости к себе: как же так? Он уже считал Кольку своим старшим другом, своим товарищем, а тот его – по рукам!..

Но потом неудержимый смех стал сотрясать Ивана Метелкина, такой, что он даже закашлялся.

– Ты чего ржешь? – недоуменно спросил Манида. – Чего ты, а?

– Так надо говорить не «поперек батьки», а «поперед батьки», понял, неуч?

Мишка, уяснив суть, тоже покатился со смеху, да так, что опрокинулся в воду, и с матом и хохотом снова пополз на песок.

Манида растеряно посмотрел на ребят, не улавливая смысла сказанного, но чтобы замять неловкость, тоже заржал по-лошадиному и сгреб малолетних шалопаев в кучу:

– Во, падла, грамотеи! Отца учат!

Одежда уже просохла и перестала парить. Теперь можно облачаться, чтобы прикрыть свой мужской позор.

– А на хрена попу гармонь, а козе телега!

Приятели, гогоча и разбрызгивая вокруг себя воду, бросились в речку. Ледяная вода сначала ошпарила холодом, а потом, нежно обнимая, забавукала их на своих ладонях.

В небе кружил коршун. Он был так одинок, что Ивану даже стало его жалко. Подросток опрокинулся на спину и тоже раскинул руки, вглядываясь в бездонную синь. Бесконечность потрясла его... Знать бы, что там, на дне вселенной? Да и есть ли оно, это самое дно?

Философские размышления оборвала Мишкина туша, которая, навалившись, тут же опустила Ивана на самое что ни на есть настоящее, осязаемое илистое дно...

.... Господи! Как давно это было! Другая жизнь, другая эра.

Метелкин с доброй усмешкой, хотя и не без привкуса горечи, вспоминал свои мальчишеские проделки.

Уму непостижимо! Куда смотрели семья и школа?!

...Вынырнув из родниковой глубины, Иван торпедой выскочил на берег, завалившись под самый бок костра. Поленья уже прогорели, и Веник, стуча зубами, норовил влезть в него по самые уши.

Душистый запах жареного мяса встал над костром, как джин из волшебной лампы, призывая едоков к себе.

Иван вопросительно посмотрел на Маниду.

– На, глотни сначала, согрейся, – Колька протянул бутылку трясущемуся от холода подростку.

Пить не хотелось, но не мог же Иван смалодушничать перед столь представительным товарищем!

Он, звякая зубами по стеклу, сделал несколько глотков, и спирт снова обжег внутренности, ввинчиваясь до самых пяток.

Иван не рассчитал – доза получилась приличная: земля, на миг накренившись, выровнялась, но стала зыбкой, и чтобы не упасть, Метелкин снова полез в воду. Там у берега все еще плескался и фыркал, как сивуч, Мишка.

Несколько раз окунувшись, Иван вылез и стал одеваться, и друг последовал за ним. Одежда была теплой и приятно согревала их озябшие тела.

Тем временем Манида выкатил из костра шар, подул на него и развалил на две половины. В одной из них белело мясо. Перья снялись вместе со скорлупой, запекшись в ней. Невыносимо дразня аппетитным духом, курятина лежала как на блюде.

Ребята уселись кружком, с нетерпением ожидая команды своего покровителя. Тот молча протянул Мише бутылку, и Спицын, запрокинув голову, сразу начал глотать боярышниковую настойку, поливая свои колени.

Видя такое дело, Манида потянул бутылку на себя, одновременно подсовывая Мишке толстую куриную ляжку, и тот, сграбастав ее, торопливо стал жевать, обжигаясь и урча от удовольствия.

Хорошо прожаренное, в собственном соку, куриное мясо парило. Ивану досталась другая ножка, а Манида на правах хозяина взял себе гузку. Оставшуюся костистую часть клушки-несушки поделили на троих.

Курятина была настолько хороша, что Иван и спустя годы, особенно в пору холостяцкого скитания по рабочим общежитиям, часто вспоминал вкус того белого, истекающего розовым соком мяса...

Сердце гулками толчками гоняло всосавшийся в кровь алкоголь по молодому телу. Снова стало жарко, и Иван расстегнул рубашку до самого живота.

Лошади, что паслись неподалеку, то ли из любопытства, то ли из желания пообщаться с людьми, прибрели на весёлый говорок. Да и обилие матерных слов, видать, по многолетней привычке притягивало их: местный колхозный конюх, приبلудный Хомка Юхан, был виртуоз в этом деле, и лошади шли на знакомые звуки.

Коняги подошли совсем близко, обирая под берегом траву и нещадно хлеща себя метлами хвостов. Ребята с любопытством поглядывали на них. Молодые кобылы, резкими движениями стряхивая с себя слепней и налипших мошек, всё норовили подсунуть свои головы под шею жоака.

Жоак начал возбуждаться и тихо, как бы про себя, коротко заржал, поигрывая плотной, цвета тяжелой меди, блестящей кожей. Перебирая задними ногами, он, обнажив большие и крепкие, как морская галька, зубы, игриво покусывал своих шаловливых подруг и восторженно всхрапывал. Темный с синеватым отливом ствол стал медленно выходить из подбрюшья.

Молоденькая цыганистой масти кобылка, подгибая задние ноги, все приседала, опуская круп перед похотывающей мордой ухажера. Широко раздутые ноздри, глубокие и темные, как бездонные воронки, черными розами ложились на ее склоненное тело.

Жеребец то поднимался, то соскальзывал передними ногами с услужливой подруги. Ствол, напрягшись до предела, стал похож на толстый раскаленный стальной стержень перед его закалкой в масляной ванне. Поднимаясь и опускаясь, пульсируя скрученными жгутами вен, он жил отдельно, как бы сам по себе.

Заинтересованные неожиданной картиной и подогретые алкоголем шалопаи с любопытством наблюдали, чем все это кончится.

Манида поцокал языком:

– Гадом буду! Если бы я имел такой дрын, тут же укатил бы в Сочи, на Черном море денюгу заколачивать, а не здесь, в этих гребных Бондарях ошивался...

– Не прибежняйся, Колюха, – со знанием дела вставил Мишка, – небось, наша училка тебя так далеко не отпустит.

Купаясь, ребята не раз имели возможность сравнить свои достоинства с Колькиными.

Тем временем жеребец с налитыми кровью глазами, победно затрубив, придавил широкой грудью свою податливую подругу, вогнал в нее весь стержень до отказа, и заработал им, как паровозным шатуном.

Кобылка, выгнув спину дугой, задрал верхнюю губу и обнажая розовые бугристые десны, тихо и утробно урчала.

От возбуждения заскоблив ногами по песку, Мишка опрокинул бутылку, и она, быстро опоражниваясь, покатила к воде.

Вода лизнула ее и, видимо, обожглась – отпрянула назад. Затем снова лизнула и, успокоившись, закачала ее у самого берега.

Манида с воплем «Чего же ты, сука, наделал!», вскочил на четвереньки и одним прыжком достиг воды, но бутылка, уже накренившись, встала «на попа» и заплясала, как поплавок во время поклевки.

Колька, не сознавая, что делает, стал быстро черпать пригоршнями воду, где качалась бутылка, и торопливо поднося ко рту, хватать ее губами, будто спирт еще мог находиться там, в набегающей волне.

Уже зачумленные хмелем и испачканные общением с великовозрастным балбесом Манидой, ребята, утробно икая, хохотали, отвернувшись в сторону, чтобы не схлопотать по шее за непочтительность.

Жеребец, вспугнутый громким криком, сделал резкое движение и вышел из недр своей подруги, поливая лоснящуюся кожу и примятую пыльную траву белой струей.

Манида, поняв безнадежность своего дела, встряхивая кистями рук, стал медленно вылезать из воды. Вид у него был растерянно-глуповатый – потеря почти полбутылки спирта сбила с него спесь и самоуверенность, а опьянение его было не настолько глубоким, чтобы притупить чувства.

Он сел у костра на корточки, раскачиваясь и глубоко вздыхая. Потом принялся в задумчивости раскуривать сигарету, но в мокрых пальцах она отсырела, и ничего не получалось. Наконец он бросил ее в костер и посмотрел на лошадей.

Вороня кобылка еще кружилась, тряся головой и царапая копытом землю. Жеребец, успокоившись, стоял, медленно вбирая в себя столь мощное, ставшее обвислым, жало.

Манида, глядя на эту картину, стал понемногу веселеть.

– «Кюфта белая с плеч свалилася, о, как дорог его поцелуй...» – блаженно шурясь, вдруг запел он, но, оборвав на полуслове старую прибалтненную песню, обратился к ребятам: – Мужики, а как на счет того, чтобы порнуху посмотреть в натуре, как есть?

Друзья весьма заинтересованно отнеслись к этому предложению, сопя от предвкушения обещанного.

Догадываясь о том, где они берут спирт, Манида посулил устроить эротический сеанс еще за одну бутылку боярышника.

Предполагаемое мероприятие было столь рискованным, что Иван потом долго удивлялся, как это могло придти Кольке в голову. Но эта сумасшедшая идея овладела незрелым сознанием, полуобморочным от выпивки и подогретого созерцанием конского ристалища, настолько, что ребята, разом вскочив, засобирались бежать туда, куда звал их Манида.

Но Колька был трезвее и соображал отчетливо.

– Братаны! – высокопарно продекламировал он. – В село до вечера носа не совать, там вас застукают и сдадут родителям под ремень. Доканчивайте курицу и в свою берлогу – спать. А вечером, часиков эдак в девять, перед танцами, я жду вас у клуба. И чтобы – молчок! Никому ни слова, а то языки узлами завяжу. Вникли?

«Комсомольцы-добровольцы», горячо божась, стали убеждать его, что они – ни-ни, не проболтаются, суками будут!

Манида, подхватив пиджак, засунул руки в карманы и пошел с беспечным видом по берегу, напевая свою любимую:

*Он красивым был, и вино любил,
Выпивал за бокалом бокал.
Он обнял меня, целовал меня.
Панталончики тут же сорвал...*

Его голос раздавался на пустынном берегу Большого Ломовиса и уносился все дальше, в степь.

Как молодые волчата, радостно поскуливая, приятели вцепились в остов курицы, обратили все, что было съестного, затем пошвыряли в воду обсосанные кости и осколки глиняной скорлупы с вплавленными в нее перьями.

Все шито-крыто, и – никаких гвоздей!

Положив под головы рванину, которая была в пещере, они завалились там на солому, прочь от постороннего глаза, посасывая по очереди набитую новым табаком трубку и предвкусывая предстоящее приключение.

Проснулись уже зябким вечером, когда над рекой тонкой пленкой стелилась голубая дымка тумана, и небо из бледного становилось синим, наливаясь вечерним покоем.

Чтобы придти в себя, ребята выкурили ещё по трубке и подались в село. Пора.

Шли снова огородами, дабы помятые физиономии кого-нибудь не насторожили.

Добрались благополучно, и, воровато нырнув в подвал, в потемках, на ощупь, проливая спирт на пол, нацедили бутылку всклень, затем, нагнувшись ниже линии окон, прошмыгнули в бурьян, а оттуда двинулись в клуб на танцы.

Опасливо сторонясь сверстников, Иван нашел Маниду танцующим с одной из местных невест.

Надо сказать, что бондарские девчата, боясь ославиться, избегали встреч с Манидой, хотя почти каждая втайне мечтала оказаться в его далеко не скромных объятиях.

Вот и теперь девица на выданье, Зинаида Уланова, отстраняясь от Кольки обеими руками, как бы через силу топталась под мелодию танго, всем видом показывая, что вот, мол, ничего я с этим дураком не сделаю, нахал он – да и только!

Манида, увидев Ивана, бросил партнершу прямо посреди зала и зашагал к парню. Зинка залилась краской и быстро шмыгнула в сторону, от стыда подальше.

Зайдя за угол клуба, ребята передали Маниде бутылку, которую он тут же опрокинул в рот, выдернув пробку.

– Не пьянки для, а опохмелки, бля! – смачно крикнув, он вытер тыльной стороной ладони мокрые губы. – Крепкая, зараза!

На улице была уже спелая августовская ночь. Звезды по кулаку величиной развесились, как белые наливки на ветках. Луна огромным красным помидором выкатывалась из-за бугра, отражаясь огненными бликами на мокрых от росы крышах.

Электричества в Бондарях еще не было, и редкие окна желтыми бабочками порхали в черноте ночи. Тишина, как огромное байковое одеяло, накрыла с головой всю деревню. Даже собаки, и те замолчали – не с кем было спорить.

– К училке вас, что ли, сводить? – скребя затылок, предложил Манида.

Мишка радостно закивал головой, возбужденно потирая руки.

Ивану почему-то совсем не хотелось идти к химичке. В его эротическом воображении для нее не было места. Для Метелкина училка была бесполой, и вероятное созерцание ее, трепещущей под Манидой, не вызывало никакого энтузиазма. Да к тому же это было небезопасно – вдруг она их заметит? Тогда прощай, школа! Выгонят.

Поэтому Иван, переминаясь с ноги на ногу, стал отнекиваться.

– Ну, ладно, уговорил! – хлопнул его по плечу Манида. – Пойдем к Машке Зверевой, та без уговора дает, – и он, повернувшись, быстро нырнул в темноту.

Подростки, тычась «Сусанину» в спину, трусили сзади, задыхаясь от предчувствия приключений.

У Маньки в окне света не было, перед ними зияли только черные провалы, глубокие, как разинутые глотки.

Колька постучал коротким условным стуком – тишина! Он постучал еще раз. Стало слышно, как скрипнула половица и кто-то, зевая, шарящим движением стал нащупывать дверную задвижку.

Пацаны быстро нырнули за угол в ожидании своего момента.

В ответ на Колькино настойчивое требование послышался неразборчивый быстрый-быстрый шепот, а затем несколько раз: «Нет, не могу! Гости!»

Поводырь по неизведанным тропам Венеры, матюгнувшись, отлепился от двери, и тут же звякнула щеколда – все, крышка!

«Комсомольцы» разочарованно затрусили за темным Колькиным силуэтом. Куда он теперь?..

Манида, чиркнув спичкой, выхватил из темноты клочок света, остановился, прикурил, протягивая ребятам мятую пачку.

Вытащив по сигарете, они так же молча прикурили от его огонька и пошли дальше по самой середине улицы, загребая ногами невидимую теплую пыль.

Иван стал осторожно расспрашивать, что за гости у Машки Зверевой – вроде все время живет одна и никаких гостей не принимает...

– Какие там гости! – Манида снова заматерился. – Демонстрация у нее!

Иван опешил:

– Какая демонстрация? Седьмое ноября, что ли? Или Первое Мая?

– Какая, какая! Такая, с красными флагами на целых три дня!

Иван так и не понял, что за демонстрация у Машки в конце лета, но переспрашивать не стал.

– Так, мужики, верняк! Пойдем к Нинке Чалой, у той охотка всегда есть, – Манида повернул в ближайший переулок, увлекая школяров за собой.

Луна уже вывалилась из-за холма и, наливаясь белым молоком, медленно поднималась над крышами, заглядывая в низкие молчаливые окна: чтой-то там люди делают в такую позднюю пору? А люди стонали, ворочались, храпели, ругались, занимались любовью... Велика матушка-ночь, времени хватит на все.

Стало так светло, что среди замершей листвы раскидистых яблонь светились белые кругляши, но сегодня было не до яблок, «пилигримов» ждали другие плоды, от которых, как говорят, никогда не бывает оскомины.

Нинкин дом низкий, с осыпавшейся глиняной штукатуркой, из-под которой, как тюремная решетка, белела крест-накрест dranka, стоял на Лягушачьей улице, прямо у самой реки.

Чувствовалась зябкая влага, запах гниющих водорослей пропитал воздух. Здесь на огородах до самой осени не успевали высохнуть бочажки воды от весеннего разлива. Улица заросла каким-то дуроломом, и надо было раздвигать кусты, пробираясь через росистые джунгли.

В черных Нинкиных окнах огненной мухой кружилась красная точка горящей сигареты. Снова не повезло! Ранний гость и здесь опередил.

Поторчав у дома, ночные странники, спотыкаясь о какие-то корневища, вышли снова в проулок и остановились с намерением разойтись по домам. Манида достал из кармана подаренную бутылку, виновато предлагая распить её.

Дневной хмель еще никак не хотел отпускать подростков, накатываясь и толкаясь мягкой волной в затуманенном сознании.

Ну что ж, выпить – не вылить!

Мишка перемахнул через забор под горбатую согбенную яблоню, и через секунду послышался частый тяжелый стук – он добросовестно помогал старушке освободиться от сладкого груза. Иван с Манидой на всякий случай нырнули под куст – вдруг хозяин с дробовиком выйдет!

Но вот показался их товарищ с раздутой на животе рубахой.

Действительно, пить без закуски, на сухую, спиртовую жгучую настойку – дурной тон!

Выпили и смачно захрумкали сочными августовскими наливками.

Вкус яблок после спирта ощущался не сразу, зато потом заливающий гортань сок смывал всякое присутствие алкоголя, и выпивохи, довольные, одобрительно хлопали добытчика по спине.

Настроение поднималось, оживление возрастало, пробуждались и тёмные желания.

За селом, на самом бугре, обшаривая дорогу светом, шла какая-то припозднившаяся машина.

Манида задумчиво посмотрел в ее сторону.

– Во, сучара! Как же я про Косматку забыл? – он радостно хлопнул себя по бокам. – Та наверняка свободна, падлой буду! Дороги хорошие, шоферня вся по домам ночует. Я как-то по пьяни обещал к ней зайти. Теперь самое время!

Катька Семенова, по прозвищу Косматка, дочь которой училась с Иваном и Мишкой Спицыным в параллельном классе, содержала нелегальный постоянный двор, или попросту при-тон для всякого бродячего люда, включая всю областную шоферню.

Дело в том, что месяца три-четыре в году бондарские дороги превращались в сплошное месиво, и транзитные люди неделями маялись у Катьки дома, расплачиваясь с ней, кто деньгами, а кто и натурой.

Жила Косматка без хлопот и весело, поэтому ее дочь, бледная тихоня Маруська, большую часть времени вынуждена была коротать у подружек и сердобольных соседей.

Милиция Косматку не трогала – сама была не дура погудеть на дармовщину. Самогона у Катьки было всегда вдоволь.

Опустив недопитую бутылку в карман, Манида с воодушевлением пошагал в сторону базарной площади, где жила в большом, похожем на барак, доме Косматка, и его спутники, повизгивая, засемили следом.

На этот раз осечки быть не должно, уж очень целеустремленно вышагивал наставник.

Напротив памятника Ленину, прямо там, куда указывал воздетой рукой Ильич, стоял на два крыла с дощатым крыльцом посередине, под крытой серебряной осиновой щепой крышей этот своеобразный дом приезжих. В одном из окон, дразня красным языком, чадила керосиновая лампа со щербатым стеклянным пузырем. Судя по тому, что окно не зашторено, Катька ночевала одна; постояльцы все разъехались, а дочь проводила лето в соседнем селе у какой-то родственницы.

Манида уверенно взошел на крыльцо и резко звякнул щеколдой.

– Щас, щас! – послышался скорый ответ.

Хозяйка, вероятно, по привычке никак не могла заснуть одна.

Оба друга прижались к стене, Манида жестом велел им оставаться здесь и смело шагнул в черную пасть сеней. Через миг в окне заметалась огромная лохматая тень, и занавеска тут же была задернута.

Больше Колька не появлялся и никаких знаков не подавал.

Как две ночные птицы, Иван с Мишкой сидели у стены на корточках, покачиваясь в начинающей валить дремоте. Сколько они так просидели – час или больше – они не знали, только вдруг резкая струя, ударив где-то поблизости, разбудила бедолаг: голый Манида стоял перед ними и мочился на угол дома.

Отряхиваясь от брызг, дозорные быстро вскочили на ноги. От неожиданности Маниду швырнуло в сторону. Похоже, он был пьян под завязку. Тупо уставившись на ребят, он крутанул большой головой:

– Во, петухи гамбургские! Чуть вас не смыл. Чего вскочили, а не кукарекаете? – Манида пятерней почесал под животом. – «Вышел Колька на крыльцо почесать своё яйцо»... Ну, щас я вам картину Репина покажу под названием «Не ждали». Пошли! – и, сверкнув под высокой луной бледным задом, стал шатаясь подниматься по ступенькам.

Двери в сени были распахнуты, и компания бесшумно провалилась в провонявшую соляжкой и бензином темноту. Похоже, что постояльцы, кроме всего прочего, занимались здесь и мелким ремонтом – чинили свои разбитые «Газоны» и «Зисы», оставляя после себя, как водится, лишние детали.

Резко распахнув избушную дверь, Манида толкнул ночных гостей вперед, и они оказались в душевной комнате, пропахшей срамом и алкоголем.

Комната еле освещалась лампой-семилинейкой. Были когда-то такие, под стеклянными пузырями.

Напротив, прямо перед глазами любопытных зрителей, свесив до пола распахнутые ноги, поперек кровати лежала Катька Косматка. Головы не было видно, только над голым животом спущенными футбольными камерами лежали груди с короткими черными сосками, то ли для того чтобы надувать эти спущенные камеры, то ли еще для какой цели.

Между раскинутых ног (Иван не сразу сообразил, что это) топорщилось какое-то темное разворошенное гнездо, в середине которого маленький розовый птенец жадно разевал рот.

Зачем он здесь?! Невозможность ситуации приковала его к половицам. Он не мог поверить, что перед ним лежала голая женщина, готовая к выполнению предназначенных ей природой действий.

Манида обнял замерших зрителей:

– Подходите ближе, она не кусается – зубов нету, одни губы.

Приятели ошалело хлопали глазами.

– А, чего боитесь? Катька уже хорошая! Она почти всю бутылку одна засосала, да еще самогонки добавила, – он подошел и легонько ладошкой пошлепал ее по растрепанному гнезду.

Женщина никак не отреагировала, подставляя свету всю свою срамоту.

– Навались, подешевело! – ерничал Манида, раздвигая двумя пальцами, указательным и средним, темные заросшие губы. Иван с ужасом увидел рассеченную, зияющую рану, от которой не было сил отвести глаз. Его почему-то охватила такая дрожь, что застучали зубы.

Мишка оказался впереди, расстегивая трясущимися руками брюки. Он во всем хотел быть первым. Да Иван и не настаивал на обратном.

Колька по-отцовски снисходительно приободрял: «Давай, давай!» – когда Мишка Спица, сын врачихи, вдруг заходил в припадочном экстазе.

...Иван помнил только непролазный чертополох и заросли колючей ежевики, потом какое-то чавкающее болото, в котором он тонул и задыхался. И – все!

Ему тогда показалось, что пьяная растрепанная женщина лишь притворялась таковой. Когда Иван пробирался сквозь кустарник, тонул и задыхался, ему мерещилось её тихое хихиканье.

От стыда, от необратимости сделанного, Иван, не обращая внимания на ободряющие восклицания Маниды, пулей выскочил на улицу.

Страшная ночь встала перед ним. Какая-то неестественность белых крыш, домов, деревьев. Он не помнил, как очутился на берегу Большого Ломовиса.

Тишина и черная вода омута.

Липкие нечистоты сочились из каждой его поры. Иван не мог прикоснуться к себе без омерзения. Скинув на холодный песок одежду, он стоял перед наполненной ночными страхами темной водой с непреодолимым желанием соскрести ногтями с себя эти нечистоты, смыть их.

Закрыв глаза, Метелкин шагнул по пояс в кромешную тьму, которая неожиданно оказалась ласковой и теплой.

Набрав полные горсти песка с илом, Иван стал тереть себя, как грязную закопченную утварь.

Раскапюшонив свой мужской придаток, он опорожнил его, пустив омерзительную струю вниз по течению. Потом натер его песком, илом, листьями мать-мачехи и, морщась от боли, стал промывать водой эту погань, этого дождевого червя, эту мразь...

Луна дробилась перед ним и разбегалась рыбной мелочью, поблескивая на речной ряби.

Плескаясь и моясь снова и снова, Иван не выходил из воды, пока его не стала колотить холодная дрожь.

Он добежал до своего дома и быстро нырнул в сарай, где спал почти все лето на сеновале.

После купания все, что произошло, стало казаться Ивану дурным сном. Такого быть не может, потому что такого не может быть. Какое-то кошмарное наваждение!

Уткнувшись носом в теплую подушку, он проспал до самого обеда, пока солнце не накалило крышу, и не стало нестерпимо жарко. Вчерашнего происшествия не было. Молодость забывчива.

Вечером Иван уехал с отцом на целых два дня в лес, где для них была выделена делянка для заготовки дров на долгую зиму.

Натрудившись в лесу, Иван вернулся домой усталый и счастливый. Дурной сон забылся, и он снова почувствовал себя свободным и неуязвимым.

Перед ужином к нему зашёл Мишка Спицын с озабоченным видом. Спрятавшись за домом, Мишка затыкнулся куревом и качнул годовой:

– Во, елки, чего-то молофья у меня с конца выделяется и режет как-то...

Хотя они с Иваном были одногодками, Мишка, то ли от хорошего питания, то ли порода у него была такая, рос быстро и крепко. Он был почти на голову выше Метелкина, да и в плечах пошире. И ночные видения, от которых становилось тревожно и сладостно, у него тоже появились гораздо раньше и приходили чаще. В этом Иван ему всегда завидовал и с интересом слушал его очередные сновидения.

– Ну-ка, покажи! – заинтересовался Метелкин.

Спицын расчехлил свой ствол и надавил на его конец.

– Во, елки! Мокнет чего-то, а не шекотно, как всегда...

Иван его успокоил, сказав, что это, наверное, так и должно быть, если во сне случается, – мужская сила выходит. Мишка немного приободрился, и на время эта тема была забыта.

Но на следующее утро, покуривая под сиреневым кустом в больничном дворе, друзья сквозь железные прутья ограды увидели непривычно озабоченное лицо шагавшего к Мишкиному дому Маниды. Тот, еще не замечая ребят, остановился в раздумье у калитки.

Иван тихонько и протяжно свистнул. Манида, вздрогнув, резко повернул голову на свист, но никого не заметил и снова потянулся рукой к калитке.

Иван свистнул еще раз, высовываясь из-за куста. Манида с удрученным и хмурым видом подозвал их кивком к себе.

«Что-то случилось», – насторожился Метелкин.

Перед тем как идти к Мишке, Ивану пришлось заглянуть в сельповский магазин, чтобы купить сигарет. Деньги, хоть и малые, у приятелей были общие, и на курево всегда хватало. Возле магазина его чуть не сшибла с ног спешившая куда-то Катька Косматка. Лицо ее было, как от зубной боли, перетянато белым в горошек платком, а под глазом чернел кровоподтек таких размеров, что его, кажется, нельзя было прикрыть даже ладонью.

– Челюсть сломала. Говорит, в погреб сорвалась, – на осторожный вопрос Ивана ответила Светка Дубовицкая – сельмаговская продавщица, безнадежными поклонниками которой были все местные кавалеры.

«Прынца ждет!» – говорили про Светку завистливые бабы.

Местные – пьянь и рвань – ей не подходили, а других не было...

Светка, погрозив Метелкину пальчиком с ярким и маленьким, как божья коровка, ноготком, незаметно сунула пачку болгарских сигарет, и он подался к своему товарищу, соображая по дороге, как можно в одно и тоже время сломать челюсть и поставить под глаз фингал?

Друзья подошли к Маниде, которому было сегодня явно не до шуток, весело поздоровались. Тот пристально посмотрел на них и повел за угол больничной прачечной, которая стояла напротив Мишкиного дома в зарослях все той же вездесущей сирени.

– Ну-ка, покажи! – непривычно сухо сказал Манида, обращаясь к Ивану, как только они завернули за угол.

– Чего показать-то? – недоуменно спросил Иван.

– Чего-чего? Секулёк покажи!

– На, смотри! – он что есть силы сжал свой «сосок».

– Не режет? – заботливо спросил Манида.

– Резать не режет, а так, иногда чешется.

– Ну, если чешется, то это нормально, – похлопал парня по плечу повеселевший Манида.

– Ну-ка, а ты достань! – обратился он к Мишке.

Мишка с готовностью расстегнул брюки.

Лицо Маниды сразу сделалось белым, и он опустил по стене на корточки, вытирая спиной побелку.

– Все. Трубочное дело! Я так и знал! – трясущимися руками наставник вытащил из пачки тугую гильзу сигареты. – Ребята, – обратился он к ним, – никому ничего не рассказывайте, иначе мне крышка будет. Триппером сука наградила! – Манида зло сплюнул в кучу битого щебня.

Отчим у Мишки Спицына был большим человеком в райкоме партии. Взглядов он был далеко не либеральных. Узнай, каким образом его пасынок в пятнадцать лет поймал эту птичью болезнь, он мог бы довести дело до логического конца, в котором место Кольке, по кличке Манида, наверняка было бы на нарах возле параши. За пособничество в совращении несовершеннолетних ему грозили бы, как поется в одной песне, «срока огромные».

После некоторого молчания Манида снова заговорил:

– Мужики, а там, где вы спирт качали, еще какие-нибудь лекарства есть?

– Да там навалом всего! – хором ответили его прилежные ученики.

– Вот что, братцы, – Манида немного приободрился, – пошарьте там пенициллина и шприцы, я эту сучью болезнь сразу вышибу. У меня кореш один на фельдшера в Талвисе учится, я видел, как он гонорею лечит: пенициллин с новокаином по два укола в день, и все шито-крыто, а то мне – вилы! – он выразительно воткнул два растопыренных пальца себе в шею, красноречиво показывая, что ему будет, если он не вылечит ребят.

Без лишних слов поняв все, как есть, друзья быстро шмыгнули к Мишке во двор. Но там, как на грех, топталась няня, и сунуться в подвал незаметно не представлялось возможным.

– Чегой-то этот ухарь к вам привязался? Чегой-то он тут шныряет? – подозрительно строго выговаривала пожилая женщина. – Какие такие вы ему товарищи?

Мишка начал нести какую-то ахиною про вечернюю школу, про помощь рабочей молодежи, про шефство над переростками...

– Смотри, Михаил, доиграешься. Все матери расскажу. Курить, стервец, начал! – она, еще что-то пробурчав, наконец зашла в дом.

Ребята знали, что няня ни при каких обстоятельствах жаловаться на Мишку не станет, и со спокойной совестью нырнули в подвал, на всякий случай закрывшись изнутри на крючок.

Пенициллин с новокаином обнаружили сразу же в плотных картонных упаковках, заклеенных полосками бумаги с соответствующими надписями, а шприцы пришлось искать долго, распарывая какие-то пакеты и пакетики. Наконец, конспираторы нашли коробку, в которой лежали стеклянные цилиндрики шприцов, и в отдельной упаковке – иглы. На всякий случай прихватили всю коробку.

Подойдя к двери, воришки услышали во дворе топтанье няни и ее глухой голос, отчитывающий кур, которые, проскакивая сквозь металлические прутья ограды, расклевывали литые, как пули, огурцы.

Друзья притаились. Только бы старухе не вздумалось запереть подвал снаружи! Тогда все – пропало дело!

Но, наконец, ворчанье прекратилось, и Мишка, приоткрыв дверь, вынырнул наружу, а Иван с коробками остался сидеть в темноте. Мишка долго не давал о себе знать, видимо, ждал, пока его няня успокоится и снова уйдет в дом. Наконец дверь открылась, и Иван прошмыгнул в щель, шурясь от ударившего по глазам света.

Колька ждал все там же, за прачечной, сидя на корточках, и, цвиркая сквозь зубы, мрачно сплевывал себе под ноги.

Иван сунул ему в руки коробки. Повеселевший Манида раскрыл одну, с пенициллином:

– Э, да тут на всю жизнь хватит от триппера лечиться! Ну, теперь все в порядке, аккумулятор на зарядке! Двигаем! – приказал он и встал.

Приятели молча потопали следом за ним.

За селом, недалеко от того места, где теперь над Большим Ломовисом летит бетонный мост, стояла старая, еще времен коллективизации, рига. После объединения мелких колхозов, рига была заброшена, и там, кроме мышей в перегнившей соломе, никто не водился. Правда, крыша была вся изрыта воробьями, которые ныряли в нее прямо с лету.

Туда-то и привёл их старший товарищ.

Встряхивая кистями рук, как бы сбрасывая с них микробов-паразитов, Манида достал из коробки стеклянный с градуировкой цилиндрок шприца, ловко ввернул в него тонкую стальную иглу и набрал новокаин. Потом достал из коробки опечатанный алюминиевой нашлепкой маленький, низкий пузырек с пенициллином и, не распечатывая его, вонзил в крышку блестящую иглу, выпустил туда жидкость, перевернул пузырек вверх дном, потряс и стал медленно вытягивать поршень. Почти все содержимое пузырька ушло в шприц.

Вытащив иглу, он большим пальцем снова нажал на шприц, и тонкая светлая струйка быстро прыгнула вверх.

– Так! Подставляй задницу, – обратился лекарь-самоучка к Мишке.

Тот, боязливо поглядывая на иглу, стал стягивать штаны.

– Раком! Раком становись! Чтоб удобнее ширять было!

Мишка с обреченным видом встал на четвереньки, подставляясь под Колькину иглу.

– Во, бля! Задницу продезинфицировать надо! Вы бы еще спиртяги принесли для протирки, – Манида остановился на полпути с изготовленной иглой.

– Может, мочой промыть? – предложил Иван, – она, как я читал, раны помогает заживать...

Манида задумался.

– Не, не пойдет мочой. Она триппером загажена.

– Так у меня-то еще пока ничего не капает. Может, зараза не пристала?

Манида почесал концом шприца голову:

– А, чё? Может, и верно? Зараза к заразе не пристаёт. Ну-ка, давай, дезинфицируй!

Иван направил свою струю на посиневший Мишкин зад.

– Что же ты, гад, делаешь? Все штаны залил. Ты ватой давай! – почему-то глухим голосом заговорил друг.

Вытащив клочок ваты из коробки, Иван смочил ее мочой и стал протирать Мишкину кожу.

– Ну-ка, – отстранил его локтем Манида и резко, в один прием, вогнал иглу в бледную шершавую ягодицу.

Мишка от внезапной боли изогнулся дугой, задрал по-волчьи голову, заматерился и завыл сквозь зубы.

Манида медленно давил на поршень, опорожня шприц. «Ы-ыы-ыы!» – только и было слышно.

Вытащив иглу, он кивком головы приказал Ивану тоже встать на четвереньки:

– Давай, давай! Для профилактики!

Тот нагнулся, упершись головой в полусгнивший обрешетник.

Манида, достав новый пузырек, проделал с ним то же, что и с первым, опорожнил его и приказал Ивану не скулить.

Через секунду тот почувствовал, что его ягодицу прошили гвоздем, и в эту пробоину стали закачивать кипяток. Было нестерпимо горячо и больно одновременно.

Иван только стискивал зубы, со стоном мотая головой.

Когда вышла игла, он не заметил, но задница была, как отшибленная! Еле удалось распрямить ноги.

Пока Иван, оглядываясь, приходил в себя, Манида со спущенными до пяток брюками, присев на какую-то колоду, обжигал спичкой конец иглы. Пузырек с пенициллином был зажат у него между коленей.

Иван, подтаскивая правую ногу, подошел было к нему со своими услугами.

– Не, я сам. Надежности больше! – Он высосал шприцем еще один пузырек и медленно, не дрогнув ни одним мускулом, загнал себе иглу во внутреннюю сторону ляжки, почти в самый пах.

Мишка раскуривал сигарету и постанывал, большими затяжками глотая дым.

Манида застегнул брюки, подхватил подмышками коробки с медикаментами и вышел из риги, сказав, чтобы оба были здесь в пять часов для вечернего сеанса терапии.

...Была ли у Ивана грязная болезнь, он не знал, но огромный, в кулак, абсцесс на месте укола он приобрёл, и абсцесс этот пришлось резать уже в больнице у Мишкиной матери. А пока они с другом, хромя, волочились по Бондарям, матерясь и проклиная эту половую жизнь.

– Маль-чи-ки! – остановил их певучий голос классной руководительницы Поповой Нины Александровны. Она вела уроки русского языка и литературы. Молоденькая, краснощекая учительница была любимицей всех ребят. – Мальчики, завтра первое сентября, не забудьте придти в школу, – нараспев говорила она, когда друзья остановились прямо у ее дома, где она квартировала. – А в футбол надо поаккуратнее, поаккуратнее, я же вам говорила, вот и ноги были бы целы... Мальчики! – снова пропела она вслед. – Я жду от вас содержательных сочинений на тему: «Как я провел летние каникулы», и чтобы с прологом, с прологом было!

Пролога не было, но эпилог остался в памяти.

Много чего вспоминается в долгие вахтенные ночи...

Сидел Иван, наслаждался одиночеством, пока не почувствовал чей-то взгляд сбоку. Он повернул голову – в маленькое окно сторожки, жутковато приглядываясь к нему, смотрела глухая косматая ночь. Пора обходить владенья.

3

В свое первое дежурство, когда Метелкин только определился на охранную службу, ему пришлось проявить то, что обычно называют мужеством. Правда, во всем была виновата его неопытность и честное отношение к любому порученному делу. Иной более разумный и расчетливый сторож в таких случаях и носа бы из своего логова не высунул, заперев дверь на все крючья и засовы.

А Метелкину это и в голову не пришло.

Газовый пистолет у него имелся, но это так, пустячок, игрушка, пугач детский, если подходить серьезно, а Иван на него понадеялся в эту злосчастную ночь, которая могла бы стать при другом раскладе для него, Метелкина, последней. Ночь была, как на грех, глухая и знобкая, и час что ни на есть воровской, который честных людей с ног валит, как водка на меду, – половина третьего.

Только для самых черных дел это время...

Обошел Иван Захарович все охраняемые точки. Отстучал озябшими пальцами по контрольным кнопкам на опломбированных дверях – и полетел сигнал на контрольный диспетчерский пункт: у сторожа И. З. Метелкина все в порядке! Не спит человек. Бдит!

И в тетради у оперативного дежурного появилась галочка. Шесть таких галочек за дежурство, и в табели заполнена графа – «рабочий день». Пройдет месяц, подойдет Иван Захарович к окошку кассы в охранной конторе и получит свои кровные: хватит на два блока сигарет с фильтром, на месячный проезд в городском транспорте, да еще останется на «комсоставскую» порцию водки с прицепом из двух кружек пива и жене с дочерью на хрусткую карамельку.

Вспомнив про жену и дочь, Иван тепло улыбнулся в успевший обледенеть воротник куртки, которая стала теперь жесткой и стылой, как жесь: «Мерзкая погода, мать ее так!»

Метелкин вернулся в свою собачью будку и стал отдирать пальцами мокрую наледь на брюках.

Брюки топорщились, словно сшитые из рогожи, неприятно холодили икры ног. «Трико бы надо под брюки, – резонно подумал Иван, осыпая ледяные бляшки, – так и простыть можно. Лечись потом от ревматизма...»

За дверью, где-то в глубине парка, слышались прерывистые звуки, словно кто-то пытался и не мог завести машину.

У Метелкина все захолонуло внутри: «Вот оно, додежурился! В первую же ночь – и угон машины! Ах, сволочи!»

Он выскочил на улицу, доставая из кармана свой газовый пугач: «Стрельну вверх, может, напугаю!» Но, слепя фарами, угонщик гнал машину прямо на Ивана, отмахивая за обочину черную тряпку ночи.

Метелкин выстрелил вверх. Шумовые патроны – хорошая штука!

Остервенело рыкнув напоследок, машина пошла юзом, заскользила и остановилась в полуметре от бдительного охранника.

– Ах, сволочь ты такая! – Иван приставил к ветровому стеклу автомобиля достаточно внушительное на вид оружие. – Руки! Руки! – орал он, не помня себя от страха, когда из машины медленно выползло одетое в легкий костюмчик жиденькое тело ночного гостя.

«Холодрыга, а он как из театра только что, в костюмчик врос, падла!» – мелькнуло в голове у Метелкина.

В глубине салона испуганно жалась девица подросткового возраста, закрывая лицо руками.

– Мамочки! Мамочки! – кричала она истерически. – Не надо!

– Вперед! – уже окрепнув, четко приказал Иван грабителю, тыча в его сухую спину ствол. – Руки за голову! – вспомнив, как это делают настоящие омовцы на экране телевизора, гаркнул он.

В дежурке все выяснилось: машина принадлежала ему, самому «угонщику», джигиту кавказской национальности. Горному орлу, одним словом...

И тут Метелкин вспомнил давнюю встречу с ним на одной занятой круговой пьянке, о которой будет время рассказать позже.

Ее организовывал этот орел по поводу какого-то большого барыша. Барыши темные, и ел-пил тогда Иван, не вникая в подробности.

Сегодняшний гость или не вспомнил, или не хотел вспоминать застольного кунака, и в сторожке, сразу оправившись от конфуза, хищно поводя носом, прохрипел:

– Твою маму имел! Хорошо пасешь добро хозяина. Маладец! Спрячь шпаллер! – указал он глазами на все еще наставленный на него ствол. – Собака спать не должен. Держи столяр за бдительность! – горный орел протянул Метелкину предварительно смятую в кулаке сотенную.

– Спасибо, коль не шутишь! Спасибо! Я бы в туалете сам помял, – зло пошутил Метелкин, разглаживая розовощекую бумагу.

Но гость, не поняв издевательского смысла реплики, нервно рванул дверь дежурного помещения, схожего, действительно, с будкой для сторожевой собаки, нырнул в машину и заскользил по уже обледеневшей дороге в своей усадистой широкозадой иномарке.

Иван выскочил было на улицу, но холодная тьма плесканула в лицо мокрым ледяным крошечком, заставив его снова спрятаться в свое убежище.

В окне мелькнули и умчались дразнящие красные кукиши задних фонарей взревевшей зверюги...

4

Конечно, работать в сторожку Иван Захарович Метелкин пришел не навсегда. Надо было какое-то время перебиться, перекантоваться, как говорили монтажники, с которыми он столько лет месил, хлебал и расхлебывал на строительных площадках наши черноземные, и не только черноземные, но и таежные грязи на отвалах, прокладывая технологические сети трубопроводов, монтируя тысячи тонн металлоконструкций и оборудования, рвал простуженную глотку «вирой» и «майной», бывало, и полоскал ее, эту глотку, неразбавленным спиртом под одобрителный гул бригады, когда приходилось обмывать досрочные пуски объектов, и растроганное начальство не жалело казенной огненной влаги.

Была жизнь! Кто бы мог подумать, что захваченное «могучей кучкой» государство станет на путь преступления, перестав соблюдать закон и трудовой кодекс.

Пользуясь политическим развратом в стране, монтажную контору, где работал Метелкин, прикупил по случаю бывший растратчик социалистической собственности, как тогда говорили, прошедший уголовную школу, с характерной фамилией – Расплюев.

Трудно было поверить Метелкину, что такая фамилия существует на самом деле. Но расплюевых на Руси-матушке оказалось столько, что Закон и Порядок, не выдержав, рухнули.

«А-а! Пошел ты на...!» – сказал Иван хозяину, когда тот, хитро подмигивая Метелкину, предложил замысловатую схему увода от налогов сметной стоимости выполненных работ, в результате которой Расплюеву сидеть под жарким солнцем на далеких Канарах, а прорабу Метелкину – на скрипучих нарах в родной и близкой «тигулевке».

Работа одна, а перспективы разные.

И вот тогда безденежье опрокинуло Метелкина на самую низкую ступень социальной лестницы. Падать, правда, было не высоко, но ощутимо больно. Зарплаты ему больше никто не гарантировал – рыночные отношения!

Свободное плавание результативно только при попутном ветре и за отсутствием рифов, это еще при том, что есть хорошие паруса, а так – болтаешься, как некий предмет в проруби.

Вот ведь какие ассоциации приходят в голову, когда выкурена последняя сигарета, а новую пачку купить не на что.

5

Дом инвалидов и ветеранов труда не такое уж жуткое место, как рисует воображение.

Пригородный лес. Осенняя благодать природы! Лёгкий утренний заморозок, как первая сединка в твоих волосах. Темная, но совсем не угрюмая зелень вековых сосен. Стоят, покачивая мудрыми вершинами, разглядывая хлопотливых людишек возле старого двухэтажного особняка, где нашла свой последний приют бездомная старость, отдавшая некогда молодые силы и здоровье обескураженной двадцатым веком дорогой стране. Да и сама эта страна, выпотрошенная вселенскими экспериментами, теперь тоже похожа на убогую нищенку, стоящую у парадного подъезда благополучного запада.

Но все это – политика, к которой Иван Захарович Метелкин не имеет никакого отношения.

Он здесь на шабашке. Разгружает трубы, сварочное оборудование, нехитрый слесарный инструмент.

В интернате прохудились водоводы, не работает канализация, чугунные гармони отопительных батарей, смонтированные полвека назад, забиты илом и многолетней накипью...

Шабашка тем и хороша, что за свой короткий и угробистый труд можно тут же получить живые деньги, а не бросовый товар по бартеру.

Ухнув, Метелкин кидает с кузова трубу; она, ударившись о старый пенёк и спружинив, отскакивает от земли и стегает невысокую ограду, ломая почерневший от времени штакетник, из-за которого на высоких колесах вырывается инвалидная коляска с обезноженной пожилой женщиной.

Иван прыгает с машины, отгаскивает в сторону трубу, загородившую проезд к дому. Слава Богу, что женщина двигалась неторопко, а то бы стальной хлыст сделал непоправимое.

– Ахмед! – дергает его за рукав женщина. – Живой?

Иван Захарович ошалело смотрит на нее. На темном морщинистом лице приветливый отблеск глаз, как просвет в осеннем небе, показался и тут же исчез.

– Ахмед, помнишь, мы в Фергане с тобой в госпитале лежали? Зажила, видать, дыра в плече, вон как трубы кидаешь! А мне вот ноги доктора отчикали, культы остались, зато зимой валенок не покупать.

Метелкин подумал, что старуха его разыгрывает, видя азиатскую внешность, как теперь говорят, прикальвается, и тоже решил отшутиться:

– Не, я не Ахмед! Я Рома из детдома, цыганской повозки шплинт.

Женщина укоризненно посмотрела на него и, вздохнув, печально покатила на лесную стезю, раскручивая руками колеса.

В любом интернате, как в солдатской казарме, самое большое удовольствие – побыть наедине с собой.

Взрыв на ферганском базаре забросил эту женщину сюда, под колючие сосны Талвиса, доживать отпущенное милосердной судьбой время. Ей повезло – другие маются и бродяжничают, попрошайничая на городских улицах, неприветливых к чужому горю, замерзают в подвалах, отравленные алкогольными суррогатами...

Метелкин оказался в доме инвалидов совершенно случайно. Никогда не думал, что рабочие навыки, полученные в юности, помогут ему на время одолеть денежную невезуху.

Идёт смурной, смотрит под ноги, чтобы найти ключ от квартиры, где лежат деньги. Вдруг толчок в бок:

– Вчерашний день ищешь?

Иван поднимает глаза – вот она, находка! Перед ним стоит старый товарищ с поднятыми парусами, и в каждом сноровистый попутный ветер.

Его товарищу свободное плавание в масть. Знай себе рули, и веслами шевелить не надо. Хороший инженер, изобретатель, имеющий множество патентов, забросил свое хлопотливое дело, и в удачный час организовал акционерное общество с ограниченной ответственностью. Используя первоначальную сумятицу при переходе к народному капитализму, приобретя по бросовым ценам ваучеры, сколотил хорошие «бабки», говоря «новоязом», и теперь процветает махровым цветом.

Смеется, протягивает руку, хлопает по плечу:

– Как жизнь?

– Да как в курятнике, – отвечает Иван, – Кто выше сидит, тому перья чистить не надо.

Сверху никто не навалиет.

– Всё жалуешься? – спрашивает.

– Жалуюсь, – отвечает Метелкин неохотно. – Ты чего без «Опеля»? Ноги поразмять решил? – зная его пристрастие к иномаркам, подслащивает Иван разговор.

– Э-э, чего вспомнил! Я уже третью тачку с той поры поменял, у меня теперь «Мерс» на пристёжке.

– А чего же ты не на колесах?

От товарища исходит запах вина и хорошего одеколona. Лицо розовое, гладко выбритое, ухоженное. Не то, что в далёкой молодости: крутой мужик, авторитет за квартал светится...

– Гуляю, – говорит товарищ, – жену на Азорские острова.

– Отправил. Холостякую. Вчера тёлку снял в кабаке, до сих пор в ушах шумит. Вампир, а не девка! Губы, как присоски у осьминога. Пойдем, я тебя опохмелю!

– Не пью! – мотает Иван головой.

– Давай, рассказывай сказки! На халяву все пьют. Помнишь, как мы по общежитиям гудели?

– Ну, это когда было... – отнекивается Метелкин.

– Пойдем, пока я простой!

Пошли.

В ресторане молодежь пасется. Девочки соломки для коктейля губками пощипывают. Как котята пушистые ластятся: «Погладь, – говорят, – погладь»...

Еще не перебродивший хмель делает Иванова товарища сентиментальным и щедрым.

Бутылка сухого мартини и лощёный пакетик солёных орешков располагают к релаксации, к полной расслабленности и снятию нервного напряжения, которое еще полчаса назад давило череп Метелкину отчаянной безысходностью. Теперь ароматная затяжка «Мальборо» могла бы вернуть его в былые обеспечение дни.

И он наглеет:

– Толян, у тебя хрусты по всем карманам распаханы – отстегни до первой возможности, с полочки отдам. За мной не заржавеет, ты же знаешь!

Товарищ хлопает Ивана по плечу. Смеется. Взгляд дружеский, обнадёживающий.

Метелкин мысленно уже благодарен ему. Вот что значит старый друг! Вместе по девкам плялись, стеной в пьяных драках стояли. На нож шли. Выручит.

– Дать я тебе дал бы, – говорит друг, – но ведь ты мужик строптивый. Мало не возьмешь, обидишься. А много я с собой не ношу. Деньги все в деле. Помнишь, как мы с тобой учили по политэкономии: капитал должен работать. Пей, я еще бутылку возьму!

Наливает Иван полный бокал. Пьёт. Вино хорошее. Согревает. Волны тепла и света размягчают сознание. Нестерпимо хочется курить. Его товарищ лет двадцать не притрагивается к сигарете. Метелкин крутит головой в поисках знакомых – у кого бы отовариться куревом.

Но здесь компания не его. Лица все чужие, сосредоточенные на своих разговорах, увлечённые.

Вот оно «племя младое, незнакомое» – вспоминается как нельзя кстати классик.

К столу присаживается щеголеватый молодой человек – главный инженер разваливающегося строительного треста, Укачкин.

Фамилия Ивану Захаровичу знакома. Когда-то, после окончания института, он нанимался на работу к его отцу, начальнику монтажного управления. Отец его был стоящим мужчиной: несмотря на неопытность Метелкина, взял его на участок мастером.

Укачкин-младший, имея тестя-депутата областной думы, быстро оказался в кресле главного инженера треста «Промстрой». Судя по заносчивому виду этого молодого человека и его щегольской одежде, с отцом – прирожденным монтажником и работягой – он имел мало общего.

Несмотря на раздетое до крайности предприятие, главный инженер выглядит вполне преуспевающим человеком. Мягкий костюм из модной ткани, демократическая майка с громкой надписью, разумеется, «на английском», делают его похожим на лобастых парней, тусующихся возле игральные заведения. Садится без пожатия руки, еле заметно кивнув головой, и начинает, не притрагиваясь к выпивке, какой-то деловой разговор с товарищем Метелкина. Берёт быка за рога.

Видно, что у них давние деловые отношения.

Разговор Метелкину малоинтересен, он подливает в свой бокал еще вина и выпивает. Затем, окончательно обнаглев, тянется к пачке деликатесных сигарет «Парламент», неосмотрительно положенной на стол новым знакомым, берет пару штук – одну про запас, и закуривает, наполняясь блаженством и ленью.

Укачкин бросает взгляд в его сторону и продолжает разговор о пиломатериалах, трубах, бетоне.

Из разговора Метелкин понял, что у пришедшего намечается выгодный подряд на капитальный ремонт дома-интерната для престарелых и инвалидов, и теперь ему крайне необходимо найти бригаду скорых на руку ребят для быстрого завершения сантехнических работ.

– Да чего искать? – указывая на Ивана, говорит его старый товарищ. – Вот, безденежьем мается! Он тебе за комиссионные по старым связям целое монтажное управление приведет.

– Ну, управление без надобности, а пару-тройку человек я бы взял, – говорит Укачкин.

Метелкин согласно кивает головой. Для него найти свободного сварщика и тройку слесарей не составляет никакого труда. Шабашка – есть шабашка!

Проведенный по левым бумагам подряд, освобожденный от налогов, сулит хорошие деньги, и Укачкин, уже повеселевший, жмёт Ивану руку.

Старый товарищ заказывает еще бутылку, теперь уже коньяка, и они, припозднившиеся в застолье, расходятся довольные друг другом.

Чего тянуть время?

К работам приступили быстро, под честное слово Укачкина.

– Плачу деньгами за каждый этап выполненных работ, – говорит главный инженер. – Никаких бумаг! Не люблю бюрократию. Всё отдаю наличманом. Самая лучшая бумага – это дензнаки. Сроки поджимают. Идет?

– Идёт!

Пожимают друг другу руки. Хлопают по плечам.

Метелкин нашёл знакомого сварщика – тоже сидит на мели...

Тот обрадовался:

– Какой разговор! Работа – деньги. Лучше маленький калым, чем большая Колыма! – восклицает его бывший рабочий, а теперь и напарник, Гена Нуриев.

После ознакомления с объектом работы Ивану показалось не совсем удобным брать деньги за посредничество, и он решает их честно заработать в качестве слесаря-сантехника, припомнив свою трудовую молодость.

Весь объем можно выполнить двум рабочим – главное, чтобы не подвел сварщик. И они, оговорив все условия, приступают с Геной к работе.

...В подвале сыро, смрадно и гнусно. За шиворот с потолка каплет скопившийся конденсат. Пахнет дохлятиной и гнилью. Вокруг какие-то тряпки, куски бинтов, ваты, пищевые отбросы. Из прохудившихся труб напористо бьет вода.

Меняют проржавевший водовод на новый.

– Падла! – крутятся волчком на одной ноге, кричит на Ивана.

Гена Нуриев: кусок металла белого каленья проваливается ему за широкое голенище кирзового сапога. – Сука! Держи трубу прямее! Это тебе не на участке командовать! Инженеры! Бездельники! – уже миролюбивее обобщает Гена, лучший на монтажном участке сварщик, где когда-то работал прораб Метелкин. – Стыкуй ровнее, пока я не прислую.

Гена снова берет автоген в руки и делает короткий стежок прихватки.

Прислужил...

Иван облегченно отхватывается от раскаленного стыка и разгибает затёкшую от неудобной позы спину.

Труба надежно закреплена. Теперь можно спокойно перекурить, пока Гена, немислимо изворачиваясь, будет обваривать неповоротное соединение.

Прорывающееся сквозь стык упругое пламя ревет в трубе, и Метелкин уже не слышит смачных матерков в свой адрес.

Иван Захарович взял Гену к себе в напарники, зная его усердие и добросовестность.

Геннадий Махмудович Нуриев – тоже бывший интеллигентный человек, в свое время с отличием закончивший математический факультет пединститута. Проработав около года за мизерную зарплату учителем в школе, он, плюнув на это занятие, пришел на монтажный участок учеником сварщика и быстро втянулся в рабочую лямку.

Полутаджик, полурусский, он, как сам рассказывал, обладал нестерпимым темпераментом, который сжигал его внутренним огнем.

Любимая подружка, узнав, что из учителя он успешно перековался в монтажники, бросила его, и Гена метался обездоленный, выплескивая перед Иваном Захаровичем обиду за свою поруганную любовь.

Однажды Метелкин, решив над ним подшутить, сказал, что Генкина подружка, раз он так мучается, «присушила» его к себе, и надо его сводить к «бабке». Та «присушку» ликвидирует в один приём: отчитает, водички наговоренной даст – и он снова станет человеком, а подружку свою за километр оббегать будет.

– Своди! – мужественно сказал Гена. – Бутылку коньяка поставлю.

– Ну, ставь!

Заранее договорившись, Метелкин повел Гену к одной разбитной бабенке, которая, прочитав над головой страдальца какую-то белиберду, окатила его из кружки водой и оставила у себя «отсыхать».

Пока Гена «отсыхал», Иван, моргнув веселой вдове, потихоньку улизнул из дома.

На другой день Гену как подменили. Ласточкой в руках его летала газовая горелка, производительность пошла в гору.

Так Иван Захарович Метелкин с Геной и сблизилась.

Характера Геннадий был незлобивого, а сегодня ругал Ивана нарочито грубо в отместку за его сентенции в свой адрес, когда был у Метелкина в подчинении.

Шабашка поставила их в равные условия, и напарник не скупился на самые изысканные выражения в адрес своего бывшего начальника.

– Ты не обижайся, – говорил он Ивану Захаровичу на перекуре. – Это все те же слова, которыми ты когда-то крыл меня, а теперь я их возвращаю по адресу, чтобы ты знал, как с рабо-

тягами разговаривать. А то с утрянки сам, бывало, по-черному матерился. Нехорошо, брат! Вот теперь мне на тебе отыгрываться приходится.

Сантехнические коммуникации располагаются под дощатым полом первого этажа, где находится столовая и все службы интерната. Днем вскрывать полы нельзя – люди ходят, обслуживающий персонал и подопечные поселенцы, кто на костылях, кто на колесах. Поэтому днем шабашники отсыпаются в бытовке, где от их храпа вибрируют стеновые панели, вызывая зависть страдающих бессонницей стариков.

Работать приходится ночью.

– Физдюки! – кричит на них, хватаясь за голову, директор этого богоугодного заведения – тучный мужик лет пятидесяти. – Физдюки, вы у моих бабок на целый год охоту ко сну отобьёте. В медчасти все снотворные кончились! Полночь. Гремите потише. Здесь вам не кузница!

А как не греметь, коль с металлом работают?

– Владимир Ильич, – перекрикивает гул автогена Метелкин, – сон разума порождает чудовищ. «Там» отоспятся!

– Все шутишь! А у меня голова пухнет! Распряглись – не пройти, не проехать. Я вам сколько раз говорил: зовите меня без фамильярности, просто, как Ленина – Ильич.

Директор этого «хосписа» с юмором. Смерть у него всегда перед глазами ходит, косой помахивает. Не углядишь – она в палату, да и прихватит кого-нибудь с собой. Меланхолику на такой должности никак нельзя – крыша поедет.

Вчера заходит Иван Захарович в столярную мастерскую, ручку к молотку поправить, а там две лады через речку Стикс печальные стоят. Нос к носу. Мужики на крышках посиживают, в домино колотят, «рыба» получается – пусто-пусто. Обвыклись. А Метелкин, пока ручку к своему инструменту прилаживал, все пальцы посшибал, соринки в глазах мешались.

Мужики похохатывают веселые, крепкие. Сивушкой попахивают.

...Полночь. Дом, как больное животное, спит, беспокойно поджав под себя конечности, подёргивая в краткой дремоте тусклой запаршивевшей кожей.

Через лестничный проем слышится неразборчивое бормотанье, надрывистый кашель, какой-то клекот, резкие вскрики... Обитателям снится каждому – своё: кому распашистая молодость, а кому тягостные образы старческих дум – предвестники затянувшегося конца.

В белой длинной рубаше, раскинув, как в распяты, руки, на слабых ногах, ощупывая белёную стенку, движется к шабашникам то ли слепой, то ли в сомнамбулическом сне старик. Он идёт так тихо, что работники замечают его уже у самого провала: освобождая технологический канал для трубопроводов, они с Геной вскрыли полы. Из подполья тянет крысиной мочой, сладковатым запахом гнили и сырыми слежалыми грибами – плесенью.

Гена, увидав деда, матюкнувшись, вскакивает, загораживая ему дорогу:

– Ты куда, дед? Назад! Здесь яма, грохнешься, и хоронить не надо.

– Сынки, – трясущимися губами в короткой позеленевшей поросли стонет человек. – Мне бы в буфет, хлеба купить. Голодный я, сынки.

– В какой буфет, мужик? – недоверчиво спрашивает Метелкин. – Ты действительно есть хочешь?

– Собаки здесь работают, мать-перемать! – переходит он на понятный им с Геной язык. – Есть не дают. Заморили. Мне бы хлеба...

Иван бежит на кухню, где на тарелке лежат ломти хлеба – остаток от ужина. Набирает несколько кусков пшеничного, сомневаясь, что проснувшийся ночью старик, хочет есть. Ведь сегодня на ужин давали гречневую кашу с разварной тушёнкой и яблочный компот. Может, dedu приснились его голодные годы, в которых он прожил почти всю свою жизнь?

Старик слеп. Иван сует ему в холодную костистую ладонь хлеб, расстраиваясь, что у них нет ничего посущественнее. Но дед уже забыл о своей просьбе: он сжимает его, кроша и

разминая, топчет вывалившиеся из ладони куски, испачканные побелкой, и ощупью, так же тихо, как пришел, поднимается к себе.

Гена втягивает воздух, Метелкин лезет за куревом, с удивлением замечая, как быстро здесь кончаются сигареты.

Наутро в доме стало шумно. Толчая; тянет волей и чем-то давним, забытым, как в его прошлом, когда цех, в котором Метелкин начинал работать, получал зарплату.

Жильцы сбиваются в кучу, что-то радостно обсуждают, гомонят. В разговорах участвуют больше старики, бабки да женщины помоложе; жертвы несчастного случая и инвалиды детства топчутся в стороне, иные на колясках прокатываются взад-вперед, с вожделием поглядывая на белую закрытую дверь, за которой находится касса.

Сегодня пенсионный день.

Деньги обещали привезти после обеда, но уже с утра нет-нет да и вспыхивают озорные искорки в, казалось бы, давно отцветших глазах. Обсуждают, кто кому сколько должен и когда расплатится.

Инвалидная коляска для обезноженного или разбитого параличом человека здесь больше, чем личный автомобиль. Перекатив утром свое непослушное тело в коляску, – ты на коне! Ты на колесах – кати себе в любую сторону. Мобильность! Фигаро здесь, Фигаро там.

Многие так удобно влиты в свои коляски, что, кажется, выросли в колеса. Кентавры! Как тут не вспомнить древних: движение – это жизнь.

Навстречу Ивану, толкая руками маятниковые рычаги, на старом драндулете еще военного образца катится женщина. Инструмент и разбросанные обрезки труб мешают проезду, и Метелкин помогает ей миновать захламланный участок и дальше толкать свою тачку жизни в никуда. Женщина еще не старая. Глаза смотрят на Ивана с каким-то удивлением, потом выражение лица меняется, она кладет свою тёплую ладонь ему на руку. Ладонь по-мужски жесткая, крепкая.

– Вот она, жизнь-то какая случилась! И тебе, видать, от новой власти ничего не досталось, инженер...

В словах ее горечь сочувствия.

Иван обескуражен. Откуда эта несчастная прознала, что Метелкин Иван Захарович был когда-то инженером?

Женщина провела рукой по его ветхой, испачканной известью и ржавчиной одежде:

– А ведь какой ты голубь был! Не помнишь меня?.. Да, теперь разве кто угадает!

Иван растеряно улыбается. Стараются вспомнить это опечаленное недугом лицо. Может, землячка из Бондарей?.. Вроде нет. В его селе такая не жила.

– Да не мучайся! Марья я, Алексеевна, знатная доярка из Умёта. Из Красного Октября! Ты в колхозе у нас котельную строил. Тебя потом ещё в газете пропечатали, хвалили.

Метелкин вспоминает: Марья Ильичева, передовик труда! Как же! «Над Уметом зима бедовая. Зябнут избы в иглистой мгле. Вот доярки гремят бидонами. Разрумянились на заре».

Марье Алексеевне стыдно за свое положение в этом безрадостном приюте.

Метелкину стыдно за свое положение шабашника, такое же, как у его соседа Ерёмы, пьяницы и скандалиста, как сотни российских сантехников, стреляющих у хозяина на похмельку за пустячную работу по устранению течи в кране.

– Спился, что ль? – жалеет Ивана бывшая знатная доярка.

– Ага! – говорит он как можно веселее. – Не пей вина – не будет слез!

– Да-а, вот она, судьба-то какая! Каждому – своё... Живи – не зарекайся, – вздыхает Марья Алексеевна, а Метелкин осторожно перевозит ее по досочкам в медицинский кабинет на процедуры.

Услышав разговор, к Ивану заворачивает высокий и прямой, как фонарный столб, старикан. Вид его необычен. Несмотря на промозглую погоду и сквозняки в протяженном коридоре,

на нем только одна майка десантника и войсковые с множеством карманов брюки. На груди поверх майки большой старообрядческий кипарисовый крест на витом шелковом шнуре. На затылке – пучок пегих выцветших волос, стянутых резинкой.

Он протягивает Метелкину узкую жилистую руку. Знакомится:

– Арчилов! Бывший полковник КГБ!

Достает какое-то потертое удостоверение и горсть желтых увесистых значков и медалей.

– Вот они, молчаливые свидетели моих подвигов! Тайный фронт! Вынужден бежать из Абхазии от преследования. Горун! Т-сс! – полковник боязливо крутит головой. И совсем тихо: – Меня здесь третируют. Никакого уважения. Колхозники! – кивает в сторону директорского кабинета. – Я на внутреннем фронте кровь проливал. Мафия! Я тебе расскажу. Всё расскажу, – шепчет он торопливо, – тут осиное гнездо. Все воры. Простыни воруют, волки тамбовские! В кашу машинное масло льют. Нас травят. Я писал – знаю, куда. Но мне не верят. Ты напиши. Напиши депутатам, чтоб комиссию выслали! – ссыпает он в карман горстью, как железные рубли, свои награды. – Ко мне дохляка подселили. А мне, по моим заслугам, положено одному жить. Я выстрадал.

За несколько дней работы в интернате, Иван на короткую ногу сошелся с директором, Ильичём, как он просил себя называть, и подался выяснять: по какому праву здесь обижают полковника, вышедшего неопалимым из горячих точек Закавказья. Вон у него сколько орденов и медалей за боевые заслуги!

– Да пошел он к такой-то матери! По кляузам этого Арчилова пять комиссий было. Вот они, бумаги! Им даже в ФСБ интересовались. Смотри! – Ильич достает ворох листов из стола. – Удостоверение и медали за Арчиловым не значатся. По его собственному признанию оперативнику, он все это купил на базаре в Сухуми. Там еще и не такое купишь! Избавиться от него не могу. Обследование делали. Говорят – не шизик. Здоров, как бык! Зимой снегом натирается. С ним в одной палате жить никто не хочет. Ссыт прямо в валенки. Мочу собирает, а потом в них ноги парит. Вонь страшная! А выселить его не имею права. Безродный! Вынужденный переселенец! У меня для инвалидов мест не хватает. А этот боров ещё на старух глаз метит. Жду, пока изнасилует какую. Может, тогда от него освобожусь. Как чирей на заднице! Дай закурить!

Иван протягивает сигареты, и они с Ильичом разговаривают о превратностях судьбы.

– Я ведь по молодости сам заметки писал. На филфаке учился. А теперь забыл все. Здесь такого насмотришься – на целый роман хватит. Горстями слезы черпай! Иди ко мне в завхозы? – хитро смотрит на Метелкина директор Дома Призрения.

В коридоре шумно: обитатели приюта получают причитающуюся им пенсию. За вычетом на содержание, у каждого остается для своих нужд. А у русского, тем более казённого человека, какая нужда? Крыша есть. Кормёжка, хоть и диетическая, тоже имеется. Надо и грешную душу потешить.

Ко дню выплаты пенсий местные спиртоносы, крадучись, чтобы не заметило начальство, доставляют самогон прямо к месту употребления, в палаты – обслуживание на дому.

– Надоели мне эти компрачкосы! Стариков травят. У него завтра на похмелку инсульт будет, а он пьёт, – сокрушается по поводу своих постояльцев Ильич. – Милицию вызывал. Оштрафуют двоих-троих, а на следующий раз другие приходят, в грелках отраву приносят. Хоть охрану выставляй! Пойдем, поможешь бабку до палаты дотащить. С катушек свалилась, а все петь пытается.

Метелкин с Ильичом поднимают пьяную женщину, пытаюсь усадить в инвалидную коляску. За женщиной тянется мокрый след. Видать, не справился мочевого пузырь с нагрузкой. Протёк.

Отвезли бабку в палату. Пошли через коридор к умывальнику руки мыть.

В углу, на старых вытертых диванах посиделки. Оттуда слышится протяжная старинная песня: «Мил уехал, мил оставил мне малютку на руках. На руках. Ты, сестра моя родная, воспитай мово дитя. Мово дитя. Я бы рада воспитати, да капитала мово нет. Мово нет...»

Потянуло далеким семейным праздником, небогатым застольем в Ивановой избе. Здоровая, молодая, шумная родня за столом, покачиваясь, поёт эту песню. Дядья по материнной линии голосистые, певучие. Песню любят больше вина. Иван лежит на печке, иззяб на улице – теперь греется. Слушает. И сам не знает, почему наворачиваются слезы на глаза. Ему жалко брошенную девушку. Жалко малютку на руках, такого же, как и его братик, в полотняной люльке с марлевой соской во рту...

Да... Родня... Песня... Детство... Ау!..

Иван берёт в руки скаarpель – зубило такое с длинной ручкой, молоток и начинает долбить кирпич в стене. Здесь должна проходить труба.

Кирпич обожженный. Звенит.

От резкого удара скаarpель, проскальзывая, вышмыгивает из кулака. Палец краснеет и пухнет на глазах.

Гена, буркнув какую-то гадость в его сторону, подхватывает скаarpель и продолжает вгрызаться в стену, пока Иван изоляционной лентой перематывает ушибленное место. Гнусно на душе. Пакостно. Хочется всё бросить и уехать в город: принять ванну, надеть чистое белье, выпить кофе с лимоном, развалившись в кресле, и смотреть, смотреть очередной бразильский сериал, при виде которого он недавно испытывал только зубную боль. А теперь и сериал вспоминается с затаенной тоской...

Завтра – Седьмое Ноября. День согласия и примирения, так теперь, кажется, называется памятная дата начала глобальных экспериментов над Россией, приведших её к такому постыдному состоянию, когда затюканный народ, чтобы прожить, должен наподобие нищего «лицом срамиться и ручкой пряхть».

В Дом пожаловали представители администрации области, поздравить неизвестно с чем собравшихся в маленьком кинозале обитателей, вызвав у них болезненные воспоминания о шумной молодости и дружных демонстрациях в честь Октября – красного листка календаря.

До одинокой, неприкаянной старости тогда было далеко. Да и не верили они, хмельные и здоровые, в эту самую старость, когда душа становится похожа на дом с прохуdivшейся крышей, через которую осеннее ненастье льет и льет холодную дождевую воду. А спрятаться нeгде...

– Безобразие! – выговаривает высокий гость директору, показывая на шабашников, громыхающих ключами возле истекающего ржавой водой распотрошенного вентиля. – Праздник портят! Сейчас должна самодеятельность прибыть, а здесь они с трубами раскорячились! Халтурщики!

«Халтурщики» ухмыляются, переглядываясь, и начинают еще ретивее греметь железом.

Правда, обещанная самодеятельность так и не приехала.

Чиновники, подражая ведущим передачи «Алло, мы ищем таланты!», вызывали на сцену под бравые выкрики тоже принявших на грудь ради такого дела и повеселевших старичков с рассказами о героическом начале дней давно минувших.

Не обошлось, конечно, и без Арчилова, который и в этот раз клеймил позором неизвестно кого, призывая с корнем выкорчевывать иждивенческие настроения масс.

В этот день и Метелкина с Геной не обошел «нежданчик».

К вечеру на белом джипе к серому обшарпанному зданию подкатил их работодатель. Румяный, молодой, в ярком адидассовском спортивном костюме, модном ныне среди «новых русских», Укачкин выглядел молодцом на фоне замызганных и усталых шабашников и пергаментных постояльцев.

Король-олень, да и только!

По рукам ударять не пришлось, но поприветствовал он шабашников вполне дружески:
– Ну что, мужики, с праздником вас! Работу кончили?

Гена почесал затылок: больно скорый начальник, дел еще на целую неделю, а он уже прикатил.

– Ну, ладно, – говорит начальник миролюбиво. – Поднажмете ещё. Я вот позаботился о вас! – достает из машины полиэтиленовый пакет.

В пакете бутылка водки и румяный батон вареной колбасы.

Вот теперь и для них – День Революции!

Работодатель улыбается:

– Ну что – со мной можно иметь дело?

– Можно, можно, – говорит Гена, забирая угощение. – Да и аванс надо бы выплатить...

Работа кипит. Пойдём, посмотрим!

Укачкин идёт за ними. Осматривает сделанное. Доволен. Взгляд хозяйский, покровительственный. Видно, что он здесь имеет свой маленький бизнес.

Лезет в карман, достаёт несколько сотен. Протягивает: берите, берите! Бумаги на получение аванса никакой. Зачем бюрократию разводить? Вот они, деньги! Листок к листку. Пусть пока сумма небольшая – аванс всё-таки!

Шабашники довольны. Хороший человек! Хороший хозяин! Своих работников не обижает!

Садится в джип, бросает ногу на педаль. Газует. Лихо разворачивается и уезжает.

Метелкину с Геной пить некогда. Дела. Потом догонят. Дом без горячей воды. Директор нервничает: который день не работают душевые и прачечная.

– Вы, – говорит, – ребята, будьте добры, пожалейте стариков...

И «ребята» спешают, жалеют стариков – бьют-колотят, гнут-кантуют, режут-сваривают, концы заводят.

За полночь к ним подходит дежурная медсестра. Уговаривает не греметь:

– Тише! Человек умер. Хороший дедок был. Аккуратный. Учитель бывший. Пришла к нему укол делать, а он холодный. А этот малахольный Арчилов кричит, что он с покойником вместе спать не будет. Может, в коридор учителя поможете вынести, а?..

Смерть – самое естественное в этом мире, а привыкнуть нельзя. Разум кричит. Как сказал великий поэт: «Оттого пред сонмом уходящих я всегда испытываю дрожь».

И у Метелкина нехорошо сжимается сердце.

Бросают работу. Гена зачем-то берет обрезок трубы, и они поднимаются в палату, где лежит покойник.

Арчилов возмущенно размахивает руками, что-то клопочет.

– Замолчи, гнида! – Гена поднимает трубу и тот в подштанниках, взлохмаченный, прихватив одеяло, выбегает в коридор и устраивается в углу на диване.

– Пусть учитель побудет один, – говорит Метелкин, и медсестра соглашается.

Накрытый тёмным солдатским одеялом, бывший учитель с неестественно выступающими ступнями страшен в своей неподвижности.

Они, не выключая свет, уходят.

Арчилов уже храпит на весь этаж беззаботно и отрешенно.

Идут в свою бытовку помянуть учителя.

Утром в маленькой комнатке, служащей чем-то вроде домашней церкви, возле бумажных икон неумело крестится кучка старушек, глядя на горящие свечи. Их комсомольская атеистическая молодость все еще проглядывает сквозь сухие скорбные лица.

В столярке опять оживленно. Выбирают доски посуше да попрямее на новый гроб. Жизнь идет своим чередом...

А Укачкин так и не заплатил Метелкину с Геной за выполнение работы. Говоря по-теперешнему, кинул.

Что с него взять? Какое время, таков и человек.

6

С инженерным образованием, когда производства разворованы и бездействуют, сразу на работу не устроиться, и удачливый товарищ, тот самый, из областной администрации, подполковник милиции в отставке, по благу выхлопотал Ивану место сторожа.

Но, как говорится, всякий труд благослови, удача!

И вот Иван Захарович Метелкин сидит здесь, и темная ночь приглядывается к нему своим немигающим взглядом.

Работа сторожа только на первый взгляд пустячная – заперся в своей сторожке и не высывай носа. Ночь покрутился с одного бока на другой, повалял дурака – и два дня свободны, как говорится, гуляй, Вася!

Так же представлялось и Ивану Захаровичу до того момента, пока он не остался один на один с ночью в большом, по-зимнему мертвом парке.

Это уж потом ему, пообвыкшему, находясь на дежурстве в полудреме, было наплевать на докучливые жалобы и кряхтенье старых деревьев, еще помнивших лучшие времена.

Подремывал Иван, не обращая внимания на всполошную возню и яростное повизгивание крысиного племени, дерущегося за объедки возле мусоросборника, на безнадежный выкрик одинокой птицы, которой приснился то ли ястреб в небе, то ли кошачий глаз возле ее носа.

А по первости не то что впасть в дрему – завернуть в сторожку обогреться представлялось опасным: мало ли что может произойти там, за стеной дощатой конуры в черном ночном пространстве. Тем более поздний визит того горного орла предостерегал от беспечности. Вот и ходит, крутит головой Иван, прислушиваясь: непременно придут бандиты-налетчики с ломami вскрывать склады с тушенкой и мочеными яблоками в капустном рассоле, а то еще и кассу подломают, где в столе у главбуха лежит заначка в сотню рублей.

Зашуршала бумага в кустах, и Метелкин уже встрепенулся, объятый первобытным страхом: напряглись мышцы, весь подобрался, как дикий зверь перед прыжком – что это?! Потом плюнет облегченно: «Тьфу ты, дьявол! Бумажный мешок из-под макарон за угрозу принял», – и лезет в карман за успокаивающим куревом.

Похожее чувство Иван Захарович Метелкин уже испытывал в армейском карауле, охраняя пусковую ракетную установку под немецким городом Борна, в лесу, где находился учебный полигон Группы Советских Войск в Германии.

Тогда еще служили не за деньги, а за совесть, не обремененные рыночным космополитизмом. Хотя и на той службе встречались разные судьбы, разные по своей удаче и своей глупости. А у кого молодость без греха?

Восточная часть когда-то пораженного врага сменила веру и стала демократической, но не все немцы были в восторге от советских неугомонных войск. Помнили возмездие за вероломство...

Воинская часть, где служил рядовой Метелкин, была особой секретности. Комар носа не подточит. На учебный полигон выезжали без пусковых установщиков, имитируя их, громадных и неповоротливых, тягачами на гусеничном ходу.

Но в тот раз, то ли для устрашения сил НАТО, то ли еще по какой причине, на полигон выползли уже легендарные тяжелые ракетные установщики, закамуфлированные теперь под те же тягачи, с бревнами баллистических ракет на подъемных решетчатых башнях.

Полигон был хоть и не дальний, но марш-бросок до него делался окружными путями и при тщательной охране большим количеством броневой техники, притупляющей бдительность потенциального противника.

Отцы-командиры перед каждым выездом проводили бесконечные инструктажи и наставления, поминутно напоминая, что они, солдаты, находятся здесь впереди пограничных застав, почти что в логове врага.

Это было действительно правдой: весной полностью вырезали караул базы, где находились в боксах заправщики ракетным топливом. Только успевший нажать сигнальную кнопку начальник караула предотвратил диверсию. Азотная кислота с керосином – смесь адская, апокалипсическая. А этой смеси как раз хватило бы сжечь дотла тот городок, где располагалась их часть.

Вот тебе и комар носа не подточит!

А городок тот, в округе Лейпциг, был удивительной красоты. Он, говорят, несмотря на новые застройки, и сейчас такой же, с готическим стреловидным собором, лебединым озером в самом центре, с мощеными камнем улочками и домами, похожими на декорации к средневековому спектаклю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.